

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Ги Бретон
Век распутства
Серия «Истории любви в истории Франции», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368128
История любви в истории Франции: Т. 5. Век распутства / Пер. с фр. В. А. Чечета (текст), В. В. Егорова (стихи).: Этерна; Москва; 2012
ISBN 978-5-480-00059-7, 978-5-480-00228-7

Аннотация

Женщины помогли установлению монархии во Франции. И именно женщины в конце концов привели к ее падению. И это никого не должно никого удивлять...

История Франции – это история галантных походов. Ведь падение монархии имело под собой, если вспомнить слова социолога Андре Ривуара, «сексуальную почву». И можно с полным основанием утверждать, что, если бы Людовик XV не так много внимания уделял женщинам, а Людовик XVI не был бы полумпотентом, Великой французской революции никогда бы и не было...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ги Бретон

История любви в истории Франции

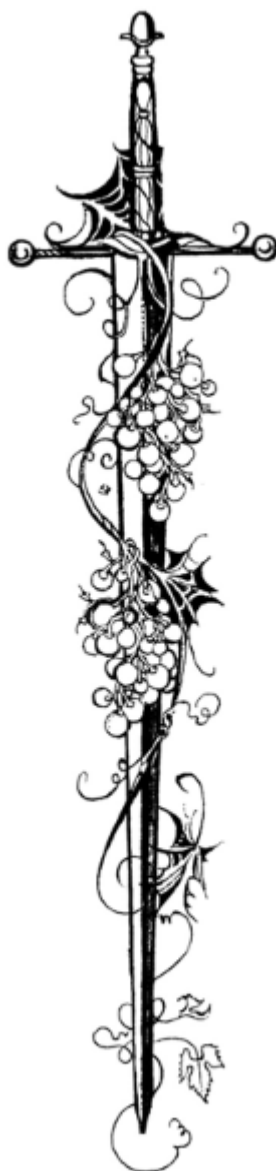
GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

Иллюстрации – Алексей Куколев

Дизайн переплета – Александр Архутик

В оформлении использован фрагмент работы Жана Оноре Фрагонара «Счастливые возможности качелей» (ок. 1768)

Бесстыдство и разврат, процветавшие во Франции в XVIII веке, можно образно сравнить с женской грудью.

Давая отраду глазам мужчин, она была наполнена горьким молоком, вызвавшим страшные судороги у всей страны.

Ведь падение монархии имело под собой, если вспомнить слова социолога Андре Ривуара, «сексуальную почву». И можно с полным основанием утверждать, что, если бы Людовик XV не так много внимания уделял женщинам, а Людовик XVI не был бы полуимпотентом, Великой французской революции никогда бы не было.

Неуемная половая страсть одного и вынужденное целомудрие другого окончательно уронили престиж королевской власти, во что, по моему глубокому убеждению, наиболее весомый вклад внес Людовик XVI, ставший главной мишенью для насмешек.

В самом деле, простой народ никогда бы и не ставил под сомнение добродетель Марии Антуанетты, если бы Людовик XVI был бы полноценным мужчиной. И рядовые французы не прониклись бы ненавистью к красивой австрийке, если бы авторы многочисленных язвительных куплетов не предъявили ей множество шокирующих обвинений, известных всем...

В то самое время, когда французы отождествляли монархию с государыней, со всех сторон поливаемой грязью ложных обвинений, никому не известные люди, движимые личными интересами (или попав под влияние женщин), отыскивали слабые места в государственном устройстве и в один прекрасный день свергли монархию.

Таким образом, Великая французская революция, как и большинство великих событий нашей истории, почти полностью замешана на сексе.

Женщины помогли установлению монархии во Франции, о чем я попытался рассказать в предыдущих томах моего произведения. И именно женщины в конце концов привели к падению монархии...

И это не должно никого удивлять. В стране, где уважение к хронологии заставляет людей ощущать себя прежде всего галлами, а уже потом французами, женщины всегда оказывали значительное влияние на политику.

История Франции – это история галантных походов.

Вероятно, именно этим можно объяснить, почему в наши дни представительный орган страны, ассамблея, заседает в палате...¹

Глава 1

Поездка за город была предпринята с целью лишить невинности Людовика XV

Свобода, которой пользуются в провинции, очень удобная вещь!
Теофил Готье

Утром 10 марта 1724 года, когда в Версале зацвели первые гиацинты, закрывшийся в спальне с прелестной девочкой Людовик XV с упоением предавался своему любимому занятию. Собравшиеся в соседней комнате слуги, отлично зная вкусы своего хозяина, перемигивались друг с другом, дав волю своему воображению.

Неожиданно из комнаты, где находился король, начали раздаваться довольно странные звуки, послышался сильный треск; и слуги подумали, что государь напрасно для своих забав забрался на кровать.

Так же неожиданно крики прекратились.

– Он ее раздавил, – воскликнул один из слуг. Самый любопытный приник к замочной скважине.

– Нет, теперь он уже научился их ловить.

В самом деле игравший с подружкой Людовик XV... поймал муху.

Такое необычное времяпрепровождение может показаться на первый взгляд странным для короля Франции. Но, узнав, в каком возрасте был монарх, можно оправдать его легкомысленное поведение: в ту пору ему исполнилось всего четырнадцать лет, а его подружке – восемь.

Вот уже целых двадцать месяцев как король был помолвлен с юной инфантой Испании Марией-Анной-Викторией, которая жила во дворце вместе со своим будущим супругом как родная сестра.

И каждый день они увлеченно ловили мух. Это было единственным «развлечением», которое могло развеять меланхолию короля.

Наигравшись вдоволь, Марии-Анне-Виктории вдруг захотелось найти и приласкать кошку.

– А если я ее найду, вы меня поцелуете?

Людовик XV задумался, ибо он недолюбливал девчонок.

– Поцелуете ли вы меня? – продолжала настаивать инфанта.

– Да, – нехотя ответил король.

Отыскав кошку, инфанта протянула ее королю, которому пришлось все-таки выполнить обещание и поцеловать девочку в лоб.

Покраснев, инфанта подняла глаза на короля.

– Как вы красивы, – произнесла девочка, – и похожи на куропатку.

Странный комплимент вызвал раздражение у Людовика XV. Когда он выходил из комнаты, у него было твердое намерение никогда больше не целовать женщин.

Впрочем, у него были дела и поважнее.

После смерти регента король все свое свободное время посвящал охоте, которую обожал, или же наукам, к которым не испытывал особой тяги.

Наставником короля был бывший епископ Фрежюса, по имени Флери², – умный, честный человек, острый на язык и обладавший исключительно тонким политическим чутьем. Этот прелат был известен своим благонравием и, не следуя примеру кардинала Дюбуа, заслу-

жившего репутацию большого развратника, имел всего лишь одну любовницу, госпожу де Кариньян, дававшую ему время от времени весьма полезные советы.

К сожалению, выбранная им система образования не была самой лучшей. Он учил короля игре в карты, танцевать кадрили, а также показывал ему различные фокусы, которые могли бы заинтересовать иллюзиониста, но никак не могли оказаться полезными королю при управлении государством. Иногда, взяв в руки карты, прелат показывал своему ученику, как в мгновение ока можно выбросить из колоды короля.

Занятие, надо сказать, довольно любопытное для королевского наставника.

Изредка господин Флери преподавал Людовику XV закон Божий и правила правописания. Однако следует признать, что этими столь полезными предметами он не слишком часто обременял короля.

И можно понять, почему молодой государь был крайне невежественен.

Впрочем, образование его нисколько не интересовало: в жизни он больше всего любил физические упражнения. Целыми днями он мог носиться по лесам, охотясь на оленя, дикого кабана, волка, лисицу, что укрепляло мышцы его довольно хилого от рождения тела. Проведя весь день в седле, довольный хорошо проведенным временем, он возвращался со свитой придворных слуг, едва державшихся на ногах и забрызганных грязью с головы до ног.

Но такой удивительной выносливости сопутствовал, к сожалению, очень тяжелый характер. Современники утверждали, что Людовик XV во время изнурительного перехода часто оставлял позади выбившегося из сил маршала Ноайя, а бывали даже случаи, когда он запускал творожной массой в лица священников, приказывал брить брови своим оруженосцам и забавлялся тем, что пускал стрелы в большой живот господина де Сурша...

Многим придворным не нравились подобные выходки. «Однажды, – писал с грустью Матье Маре, – король закатил звонкую оплеуху стоявшему ближе всего к нему королевскому камердинеру Бонтаму, когда во время одевания на него случайно едва не надели рубашку первого дворянина ассамблеи герцога де Тремуйя.

Это, конечно, пришлось не по вкусу придворным, отнюдь не одобрявшим рукоприкладства».

К сожалению, столь бесцеремонное обращение короля со своими подданными поощрялось недавно назначенным премьер-министром герцогом Бурбонским, правнуком великого Конде, который был, надо признать со всей откровенностью, личностью отвратительнейшей, как внешне – он был одноглазым горбуном, так и внутренне – отличался чрезвычайно злобным характером и ограниченным умом.

Впрочем, именно он старался развивать у молодого короля пристрастие к охоте и склонность к карточным играм – два порока, которые станут главными в жизни Людовика XV до тех пор, пока им на смену не появятся другие... На первый взгляд может показаться странным, почему этот мускулистый и весьма активный юноша не испытывал никакого влечения к женщинам. Мало того, современники свидетельствуют, что он «от них бегал как от чумы» и даже не смотрел в их сторону. Маршал Вийар писал, что «король был увлечен только охотой, игрой в карты и любил вкусно поесть, не обращая свой прекрасный и юный взор ни на одну даму, которые, впрочем, только об этом и мечтали. Однако про короля нельзя было сказать, что физически он не созрел: в свои неполные пятнадцать лет он выглядел на все восемнадцать»³.

Ложная добродетель Людовика XV была столь велика, что однажды он выгнал из Версаля одного камердинера только за то, что тот осмелился привести любовницу в свою комнату...

Такое странное отвращение к женщинам сполна компенсировалось интересом к удовольствиям другого рода. Некоторые летописцы донесли до нас сведения, что король питал

слишком нежные чувства к молодому герцогу де Тремуйя, «который сделал государя своим Генимедом» и, похоже, склонял его пойти по скользкой дорожке⁴.

В «Мемуарах» маршала Вийара содержались, по всей вероятности, некоторые уточнения по этому поводу, по цензура вычеркнула их из соображений нравственности.

Таким образом, инцидент был исчерпан. Однако при дворе опасались, что король сможет повторить ошибку. Поэтому в июне 1724 года Людовика XV отправили погостить к герцогу Бурбонскому в Шантийи, чтобы там попытаться лишить его невинности.

В качестве почетного эскорта в поездку с королем отправились семнадцать молодых девиц, не отличавшихся высокой нравственностью.

30 июня, ровно в полдень, когда солнце стояло так высоко, что королевские слуги прятались от жары в прохладных коридорах, молодые женщины покинули дворец и отправились в путь, радуясь, что одной из них, возможно, удастся лишить невинности этого прекрасного как бог молодого человека.

Впереди всех в открытой карете ехал Людовик XV, улыбаясь приветствующим его французам. Бедолага и не подозревал, о чем сговорились придворные. Не замечал он и лукавых взглядов обитателей Версаля, которые, разумеется, были в курсе дела.

– Посмотрим, – говорили они друг другу, – какая из этих прелестных женщин удостоится чести лишить невинности нашего государя.

Королевские подданные посмеивались, глядя на своего государя, а Людовик XV наивно полагал, что народ счастлив, если смеется.

Женская половина обитателей Версаля украдкой поглядывала на юного монарха. Они не скрывали своей зависти к девушкам, облеченным почетной миссией овладеть королем Франции.

Разумеется, для объяснения цели поездки были найдены самые банальные причины. Но земля полна слухов. Так и на этот раз многие горожане знали, зачем король отправился в это путешествие. Вот что писал по этому поводу Барбье⁵:

«В Париже распространился слух о том, что в Шантийи произойдут большие события, однако истинная цель поездки весьма пикантна: при дворе решили привить королю вкус к женщинам и лишить его невинности. Высказывалось даже мнение, что такая мера будет способствовать становлению его характера и придаст его внешности более мужественный вид и, помимо всего, сделает его более покладистым. В самом деле, в королевском эскорте не было ни одного юноши. Все сопровождавшие короля мужчины были зрелого возраста. Проведение «операции» было возложено на мадам Лаврийер, которой поручалось заняться им лично или же передать свои полномочия молоденькой герцогине д'Эпернон, обладавшей приятной внешностью. Однако предпочтение все-таки отдавалось мадам Лаврийер: она была тоже недурна собой, но имела гораздо больший опыт в любовных делах. А некоторые придворные и вовсе опасались, что юной герцогине будет не по силам справиться со столь ответственной задачей...»⁶

По приезде в Шантийи были организованы развлечения на свежем воздухе: прогулки, игры в прятки. И все молодые женщины наперебой стремились завлечь Людовика XV вглубь леса. Но всякий раз раздосадованный подросток упрямо выскальзывал из их рук.

В конце концов молодые дамы были вынуждены признать свое поражение. Поставленная перед ними задача оказалась непосильной. В начале августа Барбье сделал в своем дневнике следующую запись: «Похоже, что поездка так и не достигла своей цели. Король занят только охотой и совсем не желает проявить свою мужественность, что, на мой взгляд, весьма огорчительно, так как он хорошо сложен и имеет привлекательную внешность. Но что поделаешь, если таков его выбор? Он волен сам собой распоряжаться. Все попытки жен-

щин соблазнить короля привели лишь к тому, что к известной песенке о штопальнице чулок Маргарите был добавлен еще один куплет:

Торговка мясом жареным Марго
Дружку сказала: «Милый, погляди
На этот сброд. А почему это его
Везут с таким почетом в Шантийи?
Как, чтоб невинности лишить
Лишь одного, нагнали столько слуг?
Да стоило ли так народ смешить
И приглашать семнадцать шлюх?»

Во время поездки в Шантийи Людовик XV так и не познал удовольствий, получаемых от общения с женщинами, и по-прежнему оставался девственником, о чем печалились все придворные дамы. Однако, не теряя надежды, они продолжали бросать страстные взгляды на короля. Не было придворной красавицы, которая не старалась бы как можно чаще попадаться ему на глаза, прогуливаясь вокруг и изо всех сил вихляя бедрами.

Но, как и прежде, успеха они не добились: короля занимала только игра в карты. Женщины не представляли для него никакого интереса.

И вот тут-то одна из них, мадемуазель Шароле, сестра герцога Бурбонского, которой шел уже двадцать девятый год, решила попытать счастья там, где другие женщины до нее терпели поражение. Она была довольно привлекательна и обладала живым темпераментом, имея в своем активе множество любовных приключений.

Для начала красавица стала напропалую кокетничать с королем, но успеха не имела. Не отчаиваясь, она переменила тактику и стала крутиться вокруг короля, только вздыхая и поглаживая себя, словно кошка, а однажды вечером так осмелела, что подсунула в карман королю записку с любовными стихами:

Вы по характеру ужасно нелюдимы,
Но взглядом очень многих обольстили,
Как можно, чтоб вы не были любимы
И в столь молодые лета не любили?

Коли любовь вам дать урок желает,
Отдайтесь ей, не говоря ни слова:
Любовь давно всем миром управляет,
Она – всему прекрасному основа.

Людовик XV не ответил. Но усилия молодой женщины не пропали даром: в его характере стали происходить перемены, что привело к тому, что он постепенно изменил свое отношение к женщинам. В этом смогли убедиться придворные однажды вечером, на приеме у графини Тулузской в Рамбуйе, когда одна из приглашенных дам, будучи беременной, вдруг почувствовала первые схватки.

– Я думаю, – воскликнула молодая женщина, – что головка ребенка уже прошла...

Испуганные гости срочно послали за акушером. Людовик с беспокойством в голосе спросил:

– Если потребуется срочная операция, кто ее сможет провести?

Среди приглашенных находился королевский хирург Лапейронни.

– Государь, – сказал он, – мне не впервой принимать роды.

– Возможно, – произнесла мадемуазель Шароле, – но для такой операции требуется опыт, а вы, наверное, уже забыли, как это делается.

Слова молодой женщины больно задели хирурга.

– Не беспокойтесь, мадемуазель, – ответил он, – кто умеет положить, тот сумеет и вынуть.

Слова хирурга возмутили присутствующих, а Лапейронни, покраснев до корней волос, с испугом посмотрел на Людовика XV.

Но король только расхохотался...

Ни на что не претендуя, мадемуазель Шароле все-таки удалось заставить короля распрощаться со своей показной добродетелью.

Глава 2

Любовница герцога Бурбонского расстроила свадьбу Людовика XV и Инфанта

Благодаря мадам де При Испания породнилась с австрийским домом.
Пьер Жирар

Пока Людовик XV пребывал в полном неведении об удовольствиях, высоко ценимых его предками, герцог Бурбонский, напротив, предавался им с упоением вместе со своей любовницей, мадам де При, женщиной не только прелестной, но и большой мерзавкой. По словам Дюкло, «красивая внешность и тонкий ум помогали ей скрывать под маской наивности самый страшный порок – лживость. Считая добродетель лишенным всякого смысла словом, мадам де При была испорчена до мозга костей. Смирная на вид, но распутная по своей сути, она без зазрения совести изменяла своему любовнику»⁷.

В то же время эта очаровательная особа имела над герцогом Бурбонским такую власть, что стала в государстве самой могущественной персоной⁸.

Мадам де При не знала предела своим честолюбивым замыслам и была готова на все ради наживы. Спекулируя хлебом, наживаясь на понижении курса денег, она заставила герцога восстановить старый феодальный налог, назначаемый по случаю вступления в новую должность, затем добилась от Лондона пенсии в сорок тысяч фунтов стерлингов за помощь в проведении выгодной для англичан политики.

В конце 1734 года мадам де При занялась необычным делом: она решила подыскать жену своему любовнику.

Зная, что герцогиня Бурбонская, мать премьер-министра, хочет женить сына, мадам де При решила опередить события и найти ему такую жену, при которой она по-прежнему удерживала бы бразды правления в своих руках.

Для такого важного дела могла подойти только девушка скромного происхождения, неприметной внешности, застенчивая, лишенная честолюбия, не склонная к интригам, которая будет всю жизнь чувствовать себя обязанной за оказанную ей честь.

В конце концов мадам де При повезло: после долгих розысков она нашла такое сокровище. Ею оказалась дочь Станислава Лещинского⁹, проживавшая в уединении в большом полуразрушенном доме в Виссембурге, что находился в Нижнем Эльзасе. Ее отец, ставший благодаря усилиям шведского короля Карла XII королем Польши в 1704 году, был некоторое время спустя смещен с трона и после многих лишений нашел наконец убежище во Франции. К тому же он был беден.

Марии в ту пору шел двадцатый год.

После нескольких месяцев переговоров с бывшим королем Польши он дал согласие отдать свою Марысю замуж за премьер-министра Франции.

Однако к окончательному соглашению они не могли прийти в течение двух с половиной лет.

Неожиданно в начале 1725 года переговоры возобновились, и мадам де При отправила в Виссембург художника Пьера Гольберта, чтобы тот написал портрет принцессы.

В конце марта художник отослал свое полотно во Францию, и семья Лещинских с волнением стала ждать вердикта герцога Бурбонского.

Они и не подозревали, какие последствия будет иметь для них этот портрет.

Именно на их Марысю и пал выбор мадам де При.

Мадам де При едва взглянула на портрет, когда его доставили в Версаль. Ее в то время мучили другие заботы, связанные с увлечением короля охотой. Она не переставала думать о том, что король может однажды во время охоты простыть, заболеть и покинуть этот мир, не оставив после себя потомства, а корона перейдет к герцогу Орлеанскому, сыну регента.

А это было серьезной угрозой могуществу мадам де При: ведь герцог Бурбонский был из рода Конде, заклетыми врагами которого были герцоги Орлеанские. Власть, богатство, замки – все может улетучиться в одно мгновение, если во главе государства станет герцог Орлеанский.

Чтобы избежать этой катастрофы, королю необходимо было обзавестись потомством. К несчастью, маленькой инфанте Марии-Анне-Виктории, помолвленной с Людовиком в 1722 году, было всего восемь лет и она не достигла брачного возраста. После мучительных раздумий мадам де При посоветовала герцогу расторгнуть помолвку с инфантой и подыскать Людовику XV новую невесту, на которой он мог бы немедленно жениться.

Премьер-министр колебался, хорошо понимая, что расторжение помолвки могло повлечь за собой серьезные политические последствия. Уже три года маленькая инфанта проживала в Версале. Ее возвращение в Испанию могло быть воспринято в Испании как оскорбление и послужить причиной объявления войны.

Мадам де При понадобилось несколько дней, чтобы убедить герцога Бурбонского. Ей пришлось прибегнуть к самым веским, достойным Макиавелли аргументам, говоря, что возведение на престол герцога Орлеанского грозит для них отставкой, опалой, унижением и разорением...

Однажды Людовик XV заболел. И вот тут-то герцога, все еще колеблющегося и не решающегося следовать советам любовницы, охватила паника. «Его спальня находилась как раз под покоем короля, – писал Дюкло. – Вдруг посреди ночи ему послышался необычный шум в спальне короля. Он тут же вскочил с постели и, подгоняемый страхом, устремился в покои короля, не успев даже одеться. Королевский хирург Марешаль, расположившийся на ночлег в передней королевской спальни, был очень удивлен появлению герцога в столь неурочный час. Естественно, он обратился к нему с вопросом, что случилось. Герцог от волнения не мог даже вымолвить ни слова. Наконец, запинаясь, он произнес: «Я услышал шум. Король болен... Что мне делать?» Марешалю стоило большого труда успокоить герцога и убедить его возвратиться к себе. Однако, провожая герцога до двери, он услышал, как тот произнес, словно разговаривая сам с собой: «Если только король выздоровеет, надо его женить...»

Мадам де При одержала победу.

Несколько дней спустя герцог настоял, чтобы Государственный совет принял решение об отъезде инфанты в Испанию.

Получив письмо, уведомляющее о скором приезде дочери домой, Филипп V, совсем не ожидавший подобного вероломства со стороны французского двора, пришел в неописуемую ярость. Из Испании были немедленно высланы французские послы вместе с двумя дочерьми Филиппа Орлеанского, вдовой Людовика I и мадемуазель Божоле, которая должна была выйти замуж за дона Карлоса. Все французские консулы получили приказ покинуть испанские порты в течение двадцати четырех часов, а все испанские послы были отозваны из Франции.

Оскорбленная и униженная, Испания надолго стала считать Францию своим заклятым врагом и заключила союз с австрийским домом.

В таком повороте событий виновата была лишь одна мадам де При.

Гибельные последствия разрыва с испанским домом мало беспокоили любовницу премьер-министра, более всего озабоченную поисками супруги для короля. Ведь герцог, отправив в спешке инфанту, не подыскал ей достойной замены. Что же касается Людовика XV, то он совсем не огорчился, когда 5 апреля 1725 года инфанта убыла на родину.

К поискам будущей королевы Франции двор подошел с полной ответственностью. Был составлен список всех незамужних принцесс Европы с указанием дома, возраста, религии. И тут обнаружилось, что из ста принцесс, на которых мог бы жениться Людовик XV, сорок четыре были старше двадцати четырех лет и не подходили ему по возрасту, десять принцесс принадлежали побочным ветвям королевского дома или же были слишком бедны, двадцать девять кандидаток были моложе двенадцати лет. Оставалось всего семнадцать принцесс, среди которых можно было искать невесту королю¹⁰.

Первой в списке стояла английская принцесса. Но от нее пришлось отказаться: король Англии был категорически против, так как его дочь и Людовик исповедовали разные религии. Герцог Бурбонский тут же решил просватать свою собственную сестру, мадемуазель Вермандуа. Возможно, это ему бы и удалось сделать, если бы претендентка на трон не совершила однажды вечером непростительную ошибку, оскорбив мадам де При, которую не выносила. Фаворитка, посмотрев ей прямо в глаза, произнесла всего лишь одну фразу:

– Ты никогда не будешь королевой.

На следующий же день она сумела доказать своему любовнику, что вся Европа возмутится таким выбором, когда «увидит, что молодой монарх оказался под башмаком этой несносной эгоистки». Герцогу пришлось расстаться со своим планом, и поиски невесты, не способной затмить собой мадам де При, продолжались.

Некоторые принцессы были вполне подходящими невестами, но имели весьма незначительные изъяны. Так, например, принцесса Португалии была вычеркнута из списка кандидаток лишь из-за того, что у нее был слабоумный папаша. А вот от принцессы из княжества Гессен-Ренфельд пришлось отказаться потому, что до французского двора дошли слухи, что ее мать якобы поочередно рожала то дочь, то кролика¹¹, что было бы весьма прискорбно для потомства Бурбонов...

Короче говоря, поиски невесты затянулись, и уже многие европейские дворы начали посмеиваться над французским королем.

Вот тогда-то мадам де При нашла выход из, казалось бы, безнадёжной ситуации.

Она вспомнила, что еще при рассмотрении первого списка кандидатур было вычеркнуто имя одной принцессы по той простой причине, что та была слишком бедной и не могла принести богатого приданого. И этой золушкой оказалась дочь Станислава Лещинского.

Фаворитка тут же поняла, какие преимущества она могла бы извлечь, женив короля на бедной польской принцессе: ведь королева была бы ей обязана всем. Она попросила герцога отказаться от своей невесты и показать королю портрет, написанный Пьером Гольбертом. Людовик XV был очарован красотой девушки и уже на следующий день объявил Королевскому совету о согласии взять в жены Марию Лещинскую. И в Виссембург было отправлено письмо.

Кардинал Роан собственноручно вручил послание бывшему польскому королю. Станислав Лещинский так был ошеломлен предложением французского короля, что бегом бросился в соседнюю комнату, где, как обычно, проводили время за шитьем его жена и дочь.

– Преклоним колени, – воскликнул он, – и поблагодарим Бога.

– О мой отец. Вас призывают на польский трон? – спросила Мария.

– Нет, моя девочка, небо к нам еще более благосклонно. Ты будешь королевой Франции.

«Вне себя от счастья», по признанию самого бывшего польского короля, Лещинские упали на колени и вознесли молитву Богу за проявленную к ним милость.

Хранить тайну о предстоящей свадьбе удавалось только в течение нескольких недель. Но в конце концов челночные поездки из Версаля в Виссембург и обратно привлекли внимание придворных, которые быстро разгадали причину. Весть о предстоящем неравном браке французского короля с бедной польской принцессой пришлась не по вкусу как вельможам, так и простому народу. Такие известные люди, как Вольтер, находили тысячу изъянов у принцессы. По городу разнеслись самые неправдоподобные слухи. Так, например, рассказывали, что у Марии были сросшиеся пальцы и что она в детстве перенесла золотуху.

Не обращая внимания на кривотолки, король объявил о своей свадьбе 27 мая. После этого весь двор переместился в Виссембург. Чтобы подчеркнуть бедность Лещинской, мадам де При подарила Марии дюжину рубашек; впрочем, они ей пришлись весьма кстати...

Пока будущая королева Франции готовилась к отъезду в Фонтенбло, наставник Людовика XV, забросив все государственные дела, занялся половым воспитанием своего ученика. Он показывал ему рисунки с соответствующими сюжетами, а Башелье поручил молодому художнику, писавшему картины с обнаженной натуры, принести рисунки, показывающие «натуру в действии».

Однако их усилия были напрасны: король не проявлял интереса к такой живописи. Тогда воспитатели решили пойти еще дальше: они раздобыли мраморные статуи обнаженных женщин и давали ему их погладить, и все для того, чтобы подготовить короля к первой брачной ночи, когда он окажется в одной постели с польской принцессой, такой же юной и неопытной, как и он.

Совершив триумфальный переезд из Виссембурга под приветственные крики попадавших ей навстречу прохожих, Мария прибыла 5 сентября в Фонтенбло. Свадебная церемония, состоявшаяся в часовне, затянулась настолько, что невеста даже лишилась чувств. И вот вечером Людовик XV – а ему в ту пору едва исполнилось пятнадцать лет – оказался, наконец, в постели со своей молодой женой. Как же повел себя король? Был ли он растерян, неловок, стыдлив? Похоже, что нет, если верить словам герцога Бурбонского, написанным на следующий день в письме, адресованном Станиславу Лещинскому:

«Ваше Величество, позвольте мне сообщить Вам некоторые подробности первой брачной ночи короля, которые, естественно, не должны предаваться огласке. Но я довожу их до Вас с единственной целью, чтобы убедить Вас в том, что королева чрезвычайно понравилась королю. И это не просто досужие вымыслы придворных. Доказательством такого отношения короля явилось то, что Людовик XV, посмотрев комедию в королевском театре и насладившись зрелищем праздничного фейерверка, отправился в спальню королевы, где в течение ночи семь раз доказывал ей свою любовь. Проснувшись, король оповестил меня об этом, послав ко мне свое доверенное лицо. Когда я вошел в его покои, он мне еще раз повторил, что он в восторге от удовольствия, доставленного ему королевой»¹².

Немного задержавшись в своем половом развитии, Людовик XV, тем не менее, достойно начал карьеру любвеобильного венценосца...

А мадам де При теперь могла быть спокойна за свое будущее: молодая королева только что познала удовольствие, за которое будет ей вечно признательна...

Глава 3

Стремясь к абсолютной власти, кардинал де Флери подбирает любовницу для короля...

Подарок прелата – всегда дар неба.
Франсуа Мориак

Целых три месяца Людовик и Мария наслаждались в Фонтенбло прелестями волшебного медового месяца.

Король, во власти внезапной и долго сдерживаемой страсти, каждый вечер посещал королеву в ее покоях и совершал подвиги, восхищавшие многоопытных придворных дам и лакеев, не отходивших ни на минуту от их двери.

Благодаря этим заинтересованным наблюдателям, каждое утро из уст в уста передавались два коротких, но полных глубокого значения слова. Герцоги, маркизы, герцогини, графини, простые дворяне, встречаясь друг с другом в коридорах дворца, произносили: «шесть раз» или «семь раз», или даже «восемь раз».

Что означало количество любовных сражений, в которых Людовик XV противостоял лицом к лицу в течение долгой ночи своей супруге на королевской постели.

Услышав заветную цифру, многие дамы недоверчиво покачивали головами, мечтая о том, как бы поскорее оказаться на месте королевы.

А некоторые из них, и вовсе потеряв голову, осаждали короля легкомысленными предложениями, пытаясь соблазнить его. Однако Людовик XV оставался равнодушным к их проискам: он любил Марию Лещинскую.

Вскоре безразличие короля к придворным дамам стало предметом пересудов во дворце. В те замечательные времена считалось, что король обязательно должен иметь любовницу, а супружеская верность, по общему мнению, была не только признаком дурного тона, но и недостатком, вызывающим насмешки.

Некоторые придворные старались обратить внимание короля на молоденьких стройных девушек, находящихся в избытке во дворце. Как правило, все попытки такого рода заканчивались неудачей, а король повторял каждый раз одно и то же:

– А королева все же красивее!

Если король высоко ценил прелести Марии, то она, в ответ, горела такой безудержной и пылкой страстью, что по своей простоте написала отцу в одном из писем: «Никогда никто не любил на свете так, как я его люблю...»

Однако королева все же робела перед Людовиком XV и, после того как получала ночью «все королевские почести», наутро вновь становилась скромной и неприметной принцессой, какой в свое время она была в Виссембурге.

Сердечная и любезная, она стремилась угодить всем дамам своей свиты, а к мадам де При испытывала чувство глубокой признательности, называя ее своей дорогой благодетельницей.

Фаворитка герцога Бурбонского не замедлила воспользоваться таким расположением королевы, чтобы полностью подчинить ее своей воле. Вот что писал Барбье о растущем влиянии мадам де При: «После свадьбы в Фонтенбло король, охваченный страстью, каждую ночь проводил в ее покоях. В то же время бросается в глаза и то, что королева попала под полное влияние мадам де При. Она не может ни свободно высказываться, ни писать письма.

В любой момент в ее покои может войти мадам де При, чтобы посмотреть, чем она занимается»¹³.

Первого декабря двор покинул Фонтенбло и в каретах, подпрыгивающих на ухабах плохих и обледеневших дорог, направился в Версаль, чтобы провести там зиму.

Королева была потрясена величием дворца, и ее робость по отношению к королю возросла еще больше. Мадам де При опять воспользовалась этим обстоятельством, чтобы уже окончательно подчинить себе молодую женщину и еще более укрепить свое могущество в королевстве, создав своему любовнику, герцогу Бурбонскому, необходимые условия для занятия спекуляцией.

Не подозревая о том, какую роль ее заставили играть, и порой даже не понимая смысла произнесенных по подсказке слов, молодая королева выполняла любое желание своих «покровителей». Позднее она была весьма удивлена, узнав, что невольно стала сообщницей герцога и его любовницы, оставивших весь город без продовольствия и наживших на этом целое состояние!

Лето в тот год выдалось дождливым, и урожай зерновых был очень скудным. Вместо того чтобы завезти зерно из провинций, где погода была более благоприятной, а урожай – более обильным, герцог Бурбонский и мадам де При сделали все, что в их силах, чтобы воспрепятствовать снабжению Парижа зерном и оставить город без муки.

Когда в булочных не стало хлеба, а цены на муку возросли в сотни раз, они выбросили на рынок зерно, которым были забиты склады их сообщника Самуэля Бернара.

Ловкая махинация принесла им девять миллионов ливров чистого дохода...

Весной преступная парочка решила избавиться от Флери, присутствие которого связывало их по рукам и ногам, и Мария оказалась вовлеченной, сама того не ведая, в интригу против бывшего епископа Фрежюса. Месть его была довольно любопытной: он потребовал от короля воздержаться на время от выполнения своих супружеских обязанностей. Людовик XV был послушным прихожанином, как писал герцог Лиенский, «и в течение семнадцати, а то и двадцати дней строго следовал указанию своего наставника»¹⁴.

Королева, уже успевшая привыкнуть к ежевечерним посещениям короля, с трудом переживала свое вынужденное воздержание. Наконец, потеряв терпение, она призвала маршала Вийара и простодушно, со слезами на глазах призналась, что король больше не спит с ней, а ей этого очень не хватает. Вийар знал обо всем, что происходило во дворце. Он посоветовал Марии не поддерживать больше герцога Бурбонского и встать на сторону епископа.

Королева послушалась его совета и объяснилась с Флери. И в тот же вечер Людовик XV лег в ее постель.

Двор, естественно, зная о том, что королева проводила ночи в одиночестве, начал уже поговаривать о скором разводе. Но после того как король посетил спальню королевы, придворные поняли, что Флери продолжает оставаться влиятельным государственным деятелем, с мнением которого считается сам король, и перешли на его сторону.

К июню премьер-министр практически остался не у дел. По совету Флери король приказал ему перебраться в Шантийи. А мадам де При была вынуждена отправиться в свой родовый замок в Курбепин, в далекую Нормандию¹⁵.

Это известие было встречено в Париже с ликованием. Парижане праздновали отставку герцога Бурбонского и мадам де При с размахом, устроив танцы на улицах столицы. На стенах домов были расклеены плакаты со стихами, высмеивавшими фаворитку герцога. Вот текст одной из таких афиш:

СТО ПИСТОЛЕЙ ТОМУ, КТО НАЙДЕТ ПРОПАЖУ

Недавно на дороге, ведущей из Парижа в Шантийи, потерялась очень ценная¹⁶ кобыла, которая следовала по пятам за одноглазым жеребцом¹⁷.

А в Версальском дворце все придворные повторяли каламбур:

– Теперь двору нет цены.

Сразу же после изгнания герцога Бурбонского Флери, который должен был стать епископом в сентябре, начал фактически выполнять обязанности премьер-министра, хотя и не был официально назначен на этот пост. Людовик XV практически отошел от решения государственных вопросов, уезжая на охоту или же предаваясь любовным утехам с королевой.

В результате такой активной деятельности в двух жизненно важных для государства областях обеденный стол во дворце ежедневно пополнялся дичью, а Мария Лещинская родила двух девочек-близнецов в 1727 году, девочку в 1728 году, дофина в 1729 году, герцога Анжуйского в 1730 году, мадам Софию в 1734 году, Терезу Фелесите в 1736 году и Луизу-Марию в 1737 году.

Начиная с 1732 года королева почувствовала некоторую усталость. И время от времени она любила повторять:

– Разве можно это вынести! Все время одно и то же: заниматься любовью, ходить беременной и рожать¹⁸.

Совсем не по вкусу пришлись королю такие слова, и он даже не пытался скрыть своей досады. И тут же женская половина дворца, ожидавшая своего часа в течение долгих семи лет, воспрянула духом. У дам появилась надежда, что теперь-то уже наверняка государь станет мужчиной во всех отношениях, что на их языке означало: он наконец-то обзаведется любовницей.

Однако Людовик XV все еще не мог решиться на такой шаг и продолжал вести образ жизни добропорядочного семьянина среди двора, погрязшего в разврате, где даже служители церкви не могли служить примером. Все только и говорили о том, что аббат Клермона похитил танцовщицу, всем известную Камарго, а епископ из Люсона умер от несварения желудка на руках своей любовницы мадам де Руврей.

Вот одна из историй, наглядно иллюстрирующая нравы двора того времени, напечатанная в «Скандальной хронике»: «Однажды один из стражников короля нес службу на парадной лестнице Версальского дворца. Перед ним остановилась дама из высшего общества. Не вытерпев соблазна, он запустил руку под ее юбку, что вызвало страшное негодование последней. Но шутник, нимало не смущаясь, произнес:

– О мадам! Если у вас так же твердо и непоколебимо сердце, как ягоды вашего прекрасного тела, то я пропащий человек!

Оскорбленная дама не смогла удержаться от улыбки и простила нахала за удачный комплимент»¹⁹.

Из всех придворных дам наиболее распутной считалась мадемуазель Шароле. Не сумев в свое время лишить короля невинности, она надеялась теперь взять реванш и стать той избранницей, с кем Людовик XV познал бы радость супружеской неверности.

Но ее и здесь подстерегала неудача.

Она в этом с горечью убедилась на одном из вечеров, во время ужина во дворце Мюет, когда король неожиданно поднялся и произнес тост:

– Я пью за здоровье прекрасной незнакомки!.. После чего разбил свой бокал и пригласил всех присутствующих на ужине последовать его примеру.

Кто же была эта таинственная незнакомка, ставшая первой в длинном списке фавориток короля?..

Прекрасной избранницей короля оказалась молодая прелестная женщина с нежным и красивым лицом и точеными бедрами. «Она была, – писал Буа-Журден, – очаровательной, веселой и жизнерадостной женщиной, владеющей к тому же искусством разжигать страсть мужчин, однако не преувеличивавшей роли сладострастия в беседах наедине»²⁰.

Что являлось признаком хорошего воспитания.

Это была Луиза-Жюли де Майли, старшая дочь маркиза де Неслес, которой только что исполнилось двадцать два года, то есть она была ровесницей короля. Людовик навещал ее тайком, каждый раз дрожа от страха, что об их связи догадается кардинал Флери.

Но он бы меньше переживал (хотя и очень бы удивился), если бы знал всю правду. В действительности сам Флери выбрал для него эту восхитительную любовницу...

Конечно, столь уважаемый и такой достойный человек, как прелат, не мог опуститься до роли простого сводника из одного лишь желания доставить удовольствие своему ученику. Чувствуя, что Людовик XV со дня на день обзаведется любовницей, которая может оказаться интриганкой, он руководствовался высшими государственными интересами. И тогда Флери стал форсировать события и решил уложить в королевскую постель женщину, не способную нанести ущерб короне²¹.

По совету Флери к королю отправился герцог Ришелье²² и во время застольной беседы стал ему нахваливать прелести мадам де Майли.

Несомненно, его доводы показались достаточно убедительными, так как на следующий день Людовик XV согласился встретиться с молодой графиней. Она пришла на свидание в «восхитительном парике и сгорая от нетерпения уступить королевскому натиску». Но государь, со свойственной ему скромностью, легким кивком головы поприветствовал молодую женщину и поспешно удалился в соседнюю комнату.

Вторая встреча была организована камердинером короля Башелье, человека Флери. На этот раз события приняли довольно любопытный оборот.

Молодой женщине посоветовали «забыть, что перед ней монарх, а видеть в нем лишь мужчину». На этот раз она проявила больше смелости. Бросившись на шею короля, она прибегла к средствам, которые часто использовались бесстыдными куртизанками, чтобы доставить удовольствие мужчинам.

Людовик XV послушно позволил ей применить весь свой богатый опыт доставлять удовольствие мужчинам, но в то же время испытывал некоторое замешательство. Будучи слишком застенчивым, чтобы перейти к решительным действиям, он неподвижно сидел в кресле. Тогда раздраженный Башелье, подсматривавший за их действиями, подошел к королю и, приподняв его за локти, положил на только этого и ожидавшую графиню²³.

Нельзя, таким образом, утверждать, что Людовик XV изменил в первый раз Марии Лещинской по своей собственной воле. В дальнейшем он проявил больше смелости, и мадам де Майли не оставалось ничего другого, как только радоваться, что у нее появился такой страстный любовник...

Эта связь долго хранилась в секрете, и намек на незнакомку, хотя и вызвал некоторое любопытство у придворных, все же не позволил догадаться об имени фаворитки короля.

Целых три года мадам де Майли поднималась в определенный час по потайным лестницам в малые секретные кабинеты короля. И целых три года ни у кого не появилось даже и тени подозрения.

Но в 1736 году Башелье, провожавший графиню к королю через салон Ой-де-Беф, смахнул случайно капюшон с ее головы в присутствии двух дам. На следующий день весь двор только об этом и говорил. И д'Аржансон сделал в своем журнале следующую запись: «У короля, который не мог долго довольствоваться прелестями одной лишь королевы, вот уже шесть месяцев как появилась любовница, мадам де Майли...»²⁴ Она не отличается умом

и дальновидностью. Вот почему кардинал охотно пошел на эту сделку, чувствуя, что король нуждается в любовнице. И выплатил ей 20 000 ливров. Доказательством служит тот факт, что у нее, не имевшей ранее, кроме небольшого экипажа, ничего ценного, неожиданно появилась отличная карета. Хотя их встречи и хранились в большом секрете, нельзя было спрятать все концы в воду. А малые кабинеты короля имели десятки выходов... Уверяют, что королева ни о чем не знала. Однако она что-то подозревала и нашла утешение с господином Нанжи, хотя он и был староват для нее».

Эта последняя фраза является, безусловно, несколько лживой. Но следует признать, что Мария Лещинская вот уже некоторое время вела себя довольно свободно и не возмущалась, когда слышала грубоватые шутки. Однажды ей сказали, что иногда в окрестностях Версаля можно встретить гусаров.

– А если я встречу одного из них, – спросила королева, – и моя охрана не сможет защитить меня?

– Ваше Величество, есть опасность, что с вами могут поступить по-гусарски, – ответил один из придворных.

– А что сделаете вы, господин де Трессан?

– Я буду защищать вас, не жалея жизни, – отвечал начальник охраны.

– А если ваши усилия увенчаются успехом?

– Тогда будет то, что происходит с псом, который защищает обед своего хозяина: сделав все от него зависящее и поняв, что у него не осталось ни единого шанса на успех, у него может появиться сильное искушение присоединиться ко всей своре.

Шутка охранника была слишком вольной и даже дерзкой, но королева, тем не менее, не рассердилась, а только рассмеялась.

Несмотря на такие довольно вольные высказывания, Марию Лещинскую нельзя было упрекнуть в легкомысленном поведении.

Поэтому можно вполне представить, какие чувства она испытала, когда узнала об измене мужа: у нее потемнело в глазах, и она чуть было не лишилась чувств. Когда Людовику XV сообщили о реакции королевы на его похождения, он очень расстроился. В тот же вечер он навестил супругу в ее покоях, чтобы объяснить свой поступок и вымолить прощение. На попытку выполнить свои супружеские обязанности он получил гордый отказ. Как писал д'Аржансон, «король провел четыре часа в постели Марии, но она так и не удовлетворила ни одно из его желаний»²⁵. Он попросил королеву сменить гнев на милость, но та, «опасаясь заразной болезни, которую король мог подхватить от мадам де Майли, имевшей при дворе репутацию доступной женщины»²⁶, закуталась в простыню и притворилась спящей. В конце концов в три часа утра разгневанный король потерял терпение и вскочил с постели со словами:

– Ноги моей здесь больше не будет! – И ушел, громко хлопнув дверью.

В это время королева была на втором месяце беременности. Она надеялась, что рождение сына помирит ее с мужем. Однако в июле 1737 года она родила дочь.

Когда Людовику XV доложили о рождении дочери, один из придворных спросил его, не хочет ли он назвать ее «мадам седьмая»²⁷.

– Нет. Она будет зваться «мадам последняя». И все поняли, что с королевой отныне можно не считаться.

Так и получилось на самом деле. Отбросив приличия и всякую сдержанность, Людовик XV больше не прятался и открыто появлялся с мадам де Майли на всех официальных мероприятиях.

Такое пренебрежительное отношение короля к общепринятым нормам неприятно удивило его подданных. Вначале они ограничивались тем, что распевали сатирические куплеты, а затем перешли к безудержной ругани государя и его фаворитки.

Именно этого момента давно ждал кардинал Флери. Однажды вечером он стал строго выговаривать Людовику XV, упрекая его в том, что он совершает грех, изменяя королеве.

Молодой монарх был сильно увлечен своей любовницей и, не задумываясь о последствиях, резко ответил кардиналу:

– Я передал вам все управление моим королевством. И надеюсь, что вы оставите за мной право самому распоряжаться моей личной жизнью.

Кардинал сделал вид, что удручен словами государя. На самом деле в душе он ликовал. Король только что сказал то, к чему он давно уже стремился: отныне он может единолично, не считаясь с королем, принимать решения по всем государственным вопросам.

Глава 4

Как мадам де Майли развратила склонного к меланхолии Людовика XV

Каждая женщина в душе распутна.

Попе

Людовик XV был человеком замкнутым и скрытным, «склонным, по словам одного из историков, к меланхолии». До знакомства с мадам де Майли он мог целыми часами стоять у окна и считать пролетающих мимо птиц – времяпрепровождение, следует признать, довольно скучное для монарха.

Молодая женщина решила развеять меланхолию короля с помощью вечеринок, которые она организовывала с фантазией и выдумкой. Кабинеты, сообщавшиеся с покоями короля через потайную дверь, по указанию мадам де Майли были со вкусом обставлены. Приглашение на такой ужин среди придворных расценивалось как особая честь. Выбранные королем женщины обычно предупреждались заранее. Что же касается мужчин, то их подвергали довольно унижительному испытанию. Вот как проходил отбор кавалеров на королевскую вечеринку, получившую название презентации. «Мужчин рассаживали в амфитеатре, – писал Альбер Мейрак, – на скамью напротив уже получивших приглашение на ужин дам. Во время спектакля король, сидевший в своей ложе, рассматривал в большую зрительную трубу кандидатов на участие в вечеринке и делал пометки на листке бумаги. После спектакля сидевшие на скамейках знатные господа собирались у двери в “отдельный кабинет” в ожидании, когда в дверях появится дворецкий, с подсвечником в одной руке и списком в другой, и огласит имена счастливых, которые, поклонившись другим претендентам, входили в “святая святых”».

Когда последний из гостей занимал свое место за столом, король поднимал первый бокал шампанского и приглашал присутствующих последовать его примеру. Вскоре веселый ужин превращался в настоящую оргию: женщины постепенно обнажали свои прелести, в то время как кавалеры старались доказать рядом сидящим дамам, что они “весьма приятные в общении люди”. Гулянка продолжалась всю ночь. А на рассвете слуги поднимали из-под стола государя и приглашенных кавалеров и молодых женщин, доставивших удовольствие придворным по кругу во время веселого ужина».

Эти вечеринки стали для короля лишь подготовкой к более изысканным развлечениям. Главная цель была достигнута: он больше не скучал. Однако Людовик XV не испытывал ни малейшей признательности к мадам де Майли. За оказанные услуги она получала от короля лишь небольшие подарки, а деньгами король ее почти не баловал. Дело доходило до того, что бедняжка иногда появлялась во дворце в дырявом платье. Бескорыстие мадам де Майли вызывало лишь усмешки придворных, которые никак не могли взять в толк, почему она не хотела или не могла просить денег у своего любовника. Однажды один из них позволил заметить в ее присутствии, что король в любви так же скуп, как и в жизни. Мадам де Майли, смутившись, сказала с огорченным видом:

– Его надо простить. Ведь у Его Величества вместо сердца – кошелек!

Впрочем, ее слова к тому же были неправильно истолкованы лукавыми придворными.

В самом деле, Людовик XV обращался с мадам де Майли слишком бесцеремонно, не соблюдая даже элементарных правил учтивости. В подтверждение этого достаточно привести лишь один пример. В октябре 1737 года мадам де Майли получила от господина де Люка письмо, в котором тот обратился с просьбой пристроить при дворе одного своего знакомого.

Свое прошение он закончил словами: «Одного лишь слова, произнесенного прекрасными устами такой прелестной дамы, как вы, будет достаточно для устройства моих дел». Она показала письмо королю, который в ответ громко расхохотался и грубо ответил:

– Надеюсь, вы поняли, насколько он вам по льстил, назвав ваши уста прекрасными!

Слова короля больно заделали мадам де Майли, и она поспешила укрыться в оконной нише, чтобы никто не смог увидеть ее слез. Но присутствовавшие при этой сцене придворные тут же разнесли по дворцу слова государя и с презрительной жалостью стали сравнивать мадам де Майли с мадемуазель де Лавальер...

А в декабре придворные, следившие самым внимательным образом за всеми событиями, происходившими в интимной жизни короля, получили хорошую пищу для пересудов: Людовик XV нарушил свое слово и провел ночь с Марией Лещинской, показав себя, по свидетельству слуг, не отходивших от дверей королевской спальни до самого утра, весьма галантным кавалером.

Поведение Людовика XV сильно озадачило придворных. Эта весть быстро облетела столицу, обрадовав простой народ, и позабавила европейские дворы. Сообщение не прошло мимо Барбье, отметившего в своем дневнике: «Накануне Рождества Людовик XV провел ночь с королевой. Событие не осталось незамеченным, так как он давно не навещал королеву в ее покоях. Придворные обратили особое внимание на то, что перед посещением королевы король принял ванну. Видимо, он хотел быть во всеоружии, чтобы зачать сына, если удастся».

Но после этой ночи король снова вернулся к мадам де Майли, а в январе уже изменил своей любовнице: последствия измены оказались самыми плачевными. Вот что писал по этому поводу Барбье: «Король уже выздоравливает, но еще не охотится. Ходит слух, что он заразился сифилисом. Его камердинер Башелье несколько раз тайком приводил ему нескольких девиц, а болезнь не разбирает, где король...»

Заболел Людовик XV после того, как провел ночь с дочерью мясника из Пуасси, а та в свою очередь заразилась постыдной болезнью от дворцового стражника, с которым познакомилась на сельском балу.

Встретив похудевшего короля, бравый служака догадался, какой недуг подточил здоровье государя. Вспомнив, что встретил однажды дочь мясника у дверей, ведущих в спальню короля, и почувствовав угрызения совести, он поведал Флери о своем несчастье, добавив при этом, что у короля, возможно, та же болезнь, что и у него.

Срочно вызванный к Людовику XV королевский хирург Лапейронни стал лечить своего пациента старыми домашними средствами: примочками из корнишонов, огуречными компрессами, настойками и растираниями, приготовленными из тертых слизняков...

Весь двор, естественно, внимательно следил за ходом лечения, и вскоре по всему королевству добрые люди не без лукавства судачили о «неудобствах», испытываемых королем.

Придворных также волновала судьба мадам де Майли. Все интересовались, удалось ли ей избежать болезни или она все-таки получила «свою порцию неудобств»²⁸.

Ведь в XVIII веке народ был в курсе малейших подробностей личной жизни своего государя, жившего словно в стеклянном дворце.

В конце 1738 года мадам де Майли пригласила во дворец свою сестру Полину-Фелисите, младше ее на два года. Эта юная особа только что вышла из стен монастыря Пор-Руаля с твердым намерением занять место старшей сестры, завоевать сердце короля, изгнать Флери и взять управление государством в свои руки.

Как видите, у нее были далекоидущие планы.

Не отличаясь привлекательной внешностью (а некоторые современники утверждали даже, что от нее дурно пахло), она тотчас принялась за дело, сумев обольстить Людовика

XV, и в последний день карнавала 1738 года появилась на балу в Опера в наряде пастушки рядом с королем в костюме летучей мыши.

В то время как мадам де Майли переживала в своей парижской квартире постигшее ее несчастье, при дворе велись интенсивные поиски подходящего супруга для новой фаворитки. Его наконец нашли. Им оказался Феликс де Вентимийи, внучатый племянник архиепископа Парижа. После церемонии бракосочетания новобрачные переехали жить в Мадридский дворец. Получивший накануне 200000 ливров за фиктивный брак, Вентимийи только сделал вид, что направился в покои своей жены; в это время Людовик XV уже находился в постели его молодой жены.

С этого дня мадам де Вентимийи стала неотступно следовать за королем, а он в знак благодарности осыпал ее подарками. В мае 1740 года он преподнес своей новой любовнице замок Шуази, куда и стал наносить частые визиты²⁹.

Не теряя времени даром, они сразу же ложились в постель. Мадам де Вентимийи обладала пылким темпераментом, и, как заметил один из летописцев, «король засыпал только после того, как семь раз доказывал ей силу своего скипетра»³⁰.

Успехи государя, ставшие благодаря болтливости слуг, широко известными в королевстве, радовали простой народ. На следующее утро после встречи в Шуази новость передавалась по городу из уст в уста, и даже те подданные, которые предпочитали, чтобы король более активно занимался государственными делами, были горды тем, что их король столь славно потрудились в постели...

Радости парижан не было границ в тот день, когда они узнали, что фаворитка потерпела поражение в очередном любовном сражении – утомилась раньше своего любовника.

В самом деле, однажды на рассвете мадам де Вентимийи совсем выбилась из сил и отказалась сыграть с королем последнюю партию «на посошок», сославшись на головную боль. Сильно разгневанный король поднялся с постели со словами:

– Я знаю, мадам, средство, которое быстро излечит ваш недуг: вам надо отрубить голову. У вас слишком длинная шея, и вы не почувствуете боли. После замены вашей крови на кровь ягненка ваш характер, столь злой и неприветливый, станет намного мягче³¹.

Слова Людовика XV облетели все королевство.

Но размолвка любовников была непродолжительной, как всякая ссора влюбленных. Благодаря стараниям короля мадам де Вентимийи 1 сентября 1741 года разрешилась крупным мальчиком, получившим титул графа де Люк.

Фаворитка могла уже рассчитывать на самое блестящее будущее, когда ее подкосила послеродовая горячка. Людовик от горя потерял голову. Он распорядился раскидать сено под стенами дворца, чтобы заглушить стук копыт, и отключить все фонтаны. Жизнь во дворце замерла на целую неделю. А 9 сентября мадам де Вентимийи скончалась в страшных муках.

Король был безутешен. Опустив полог своей постели, он проплакал весь день.

Несколько недель он перечитывал все письма, которые посылал любовнице и получал в ответ.

В конце концов ему пришлось снова вернуться к мадам де Майли. Но король в то же время не забывал и о маленьком графе де Люк, имевшего с ним поразительное сходство, за что придворные уже прозвали его «полу-Людовик».

Глава 5

Мадам де Шатору отправляет короля воевать во Фландрию

Если мужчина влюблен, женщина может вертеть им как захочет.

Фонтенель

На смену мадам де Майли вскоре пришла новая фаворитка. В начале 1742 года король, не любивший менять привычки и уже прикипев сердцем к одной семье, проявил интерес к третьей сестре, герцогине де Лораге.

Молодая женщина не отличалась большой красотой, но, как отмечал летописец, «имела формы приятной округлости, крепкую и упругую грудь и пышные бедра»³². Другими словами, она была крепкого телосложения. А как раз женщины этого типа больше всего ценились мужчинами в XVIII веке.

Людовик XV воспылал к герцогине такой пылкой страстью, что удивил даже выдавших виды придворных. Он ухитрялся воздавать должное ее прелестям повсюду, где только мог: на скамейках, диванах, креслах и банкетках дворца и даже на ступеньках лестниц, — а счастливая герцогиня, проявляя «немалый интерес к такому занятию», не заставляла его долго ждать и сопровождала любовные игры радостными возгласами.

Государь вскоре перешел с ней к развлечениям, не принятым в обществе. В один прекрасный вечер он пригласил мадам де Майли присоединиться к их компании, пожелав «возлечь между двумя сестрами, имевшими совершенно разное телосложение».

Мадам де Майли согласилась. Она ведь так любила короля...

Однако Людовик XV не получил от этого развлечения ожидаемого удовлетворения и впал в меланхолию, как в былые дни.

В конце концов герцогиня де Лораге надоела королю. К тому же она была глупа, и ему с ней не о чем было говорить. Решив ее покинуть, он все же захотел, чтобы она на всякий случай оставалась под рукой. И назначил ее фрейлиной в свиту дофины...

Осенью 1742 года мадам де Майли посчитала себя достаточно влиятельной особой, чтобы заняться политикой. Увы! В ноябре было перехвачено письмо маршала Бель-Исла, адресованное маршалу Маебуа, где недвусмысленно говорилось о роли, которую играла фаворитка за спиной короля. Узнав об этом, Людовик XV тут же порвал с ней³³.

Верный своей привычке, Людовик XV обратил свой взор на четвертую сестру из семейства Несле, которая была замужем за маркизом де Флаванкуртом. Король давно уже уложил бы ее в свою постель, но опасался ее супруга, который был известен при дворе своей ревностью. Узнав, что Людовик XV обратил свой взор на его жену и покушается на ее честь, этот тяжелый в общении человек пригрозил маркизе, что пристрелит ее, если узнает, что она ведет себя так же, «как ее распутные сестры...».

Разочарованный неудачей, король наконец внимание на самую младшую из сестер Несле, Марианну, вдову маркиза де Латурнель, умершего в 1740 году.

Однажды поздним вечером король навестил Марианну в ее апартаментах в сопровождении герцога Ришелье. Оба переоделись в платье медиков, чтобы не вызвать подозрений у Могаса. И красавица, как писали братья Гонкур, «получила первые признания в любви от короля в парике»³⁴.

Прежде чем лечь в постель с королем, молодая вдовица выдвинула ряд условий. Прежде всего она потребовала, чтобы король публично отрекся от своей бывшей любовницы мадам де Майли, ее родной сестры. Кроме того, Людовик XV должен был признать ее официальной любовницей и предоставить права, которые имела в свое время покойная мадам де Монтеспан, а именно: «...выделить ей апартаменты, достойные ее положения при дворе, не бегать по свиданиям на потайных квартирах, как это он делал, живя с ее сестрами, позволить ее родственникам появляться при дворе, приходить к ней открыто ужинать, предоставить ей право, в случае необходимости, брать деньги из королевской казны, вручить ей через год грамоту на пожалование титула герцогини, заверенную парламентом, и, наконец, признать законными ее детей в случае рождения»³⁵.

На этот раз Людовик XV влюбился не на шутку и согласился со всеми условиями молодой женщины, а 17 января 1744 года парламент утвердил пожалование мадам де Латурнель герцогства Шатору.

Согласно грамоте это был дар, сделанный за особые услуги, оказанные королю госпожой Латурнель. Однако глупцов, способных поверить этому утверждению, не нашлось, и простой народ распевал повсюду песенку о новоиспеченной герцогине:

Турнель, кровосмешения умелица,
С кем сестры красотой не могут мериться,
Сей табурет – венец великих дел —
Дает вас основания гордиться:
Ведь передку, чтоб зад на нем сидел,
Пришлось довольно много потрудиться.

Пока король искал способ и средство развеять свою тоску, французские войска в течение уже четырех лет вели боевые действия в Богемии под командованием Мориса Саксонского. Вопрос об австрийском наследстве осложнил отношения с Австрией, и Франция выступила на стороне Баварии и Испании против Марии Терезии³⁶.

Французские войска потерпели подряд несколько поражений, и австрийцы продвинулись до Рейна, угрожая Эльзасу.

Людовик XV с равнодушным видом следил по карте за событиями, происходившими не так далеко от границ Франции, с нетерпением ожидая момента, когда он отправится в постель, где его уже поджидала мадам де Шатору...

Наконец в марте 1744 года, вняв настойчивым просьбам Фридриха II, король Франции, как простой союзник прусского курфюрста, объявил войну Австрии, Англии и Голландии. Обстановка складывалась не в пользу французов. Противник находился на берегах Рейна и во Фландрии. В любой момент территория Франции могла стать ареной боевых действий.

Вот тогда-то мадам де Шатору, перестав интересоваться мелкими придворными сплетнями, проявила себя незаурядной личностью и оказала значительное влияние на короля, за что ее современники сравнили с Агнессой Сорель. В одно прекрасное утро она стала настойчиво внушать Людовику XV, что пришло время утвердиться на престоле как настоящий государь в глазах европейских народов, заняться решением военных вопросов и стать во главе армии.

Людовик XV все еще пребывал в нерешительности, когда мадам де Шатору отправила ему следующее письмо:

«Если Вы по-прежнему будете продолжать недооценивать свои личные качества, Вы никогда не сможете стать таким королем, каким заслуживаете быть. Представьте, что я чувствую, когда на меня падает отблеск Вашей славы... Государь, остерегайтесь Вашей доброты. Не судите о других по себе. Король сам в первую очередь должен заботиться об укреплении своего авторитета. Если Ваш народ проявляет недовольство, Вы должны прислушаться к его голосу. Если народ угнетен, имейте мужество сделать то, что подсказывает Вам сердце, и Вы не ошибетесь. О! Государь! Какое это наслаждение – видеть вокруг себя только счастливые лица... Когда я осмелилась предложить Вашему Величеству возглавить армию, я была далека от мысли подвергнуть опасности Вашу жизнь. Она принадлежит государству. Но Вы словно отец перед своими детьми. Одно Ваше присутствие вдохновит войска на подвиги, внушив им веру в свои силы. И они победят. Простите, Государь, мою откровенность. Ведь Вы не поставите мне в вину желание видеть Вас в зените славы. К чему опасаться, что правда может прийти к Вам не по вкусу? И не следует бояться ее

говорить, когда в этом возникает необходимость. Знайте одно: если Вы заметите, что я больше не пекусь о Вашем возвышении, это будет означать лишь одно – я Вас больше не люблю...»³⁷

Столь достойные слова произвели большое впечатление на Людовика XV. Месяц спустя, вырвавшись из тепличной атмосферы Версаля, он отправился во Фландрию, чтобы возглавить армию...

Однако не в силах долгое время обходиться без мадам де Шатору, он взял ее в поход, что вызвало при дворе большие пересуды...

Простой народ посчитал этот поступок оскорблением армии и открыто позволил себе выразить свое неодобрение. В Лаоне произошел курьезный случай. После обеда у герцога Ришелье Людовик XV пожелал провести вечер с герцогиней. Он вышел через потайную дверь, надеясь пройти незамеченным. Но поджидавшие на улице горожане, увидев короля, громко закричали:

– Да здравствует король! Да здравствует король!

Король был явно смущен и поспешил скрыться в саду, прикрываясь полами плаща. Толпа зевак последовала за ним, и государь был вынужден спасаться бегством под насмешливые возгласы.

Повествуя об этом приключении короля, д'Аржансон добавил: «Люди, видевшие, как убегает король, сравнивали его с Пурсоньяком³⁸, когда тот спасался от клистира...»³⁹

Ту ночь мадам де Шатору была вынуждена провести в одиночестве...

Чтобы избежать в дальнейшем подобных неприятностей, Людовик XV отдал распоряжение городским властям размещать отныне герцогиню в домах, расположенных по соседству с резиденцией короля и сообщающихся с ней потайными ходами.

Выполняя приказ короля, рабочие не скрывали насмешек, когда по всем городам Фландрии пробивали потайные двери в домах, находившихся поблизости от предполагаемых резиденций короля.

В Меце, к несчастью, не удалось найти два подходящих дома, находившихся в непосредственной близости один от другого, и фаворитка нашла приют под крышей аббатства Святого Арнольда, в то время как короля разместили в доме на той же улице, но немного подальше. Мадам де Шатору не могла и дня прожить без любви и была огорчена до слез. Поняв причину ее плохого настроения, епископ приказал построить деревянную галерею, чтобы дать возможность любовникам встречаться без помех.

– Эта галерея, – лицемерно объяснил он добронравным жителям Меца, – построена для того, чтобы король мог свободно проходить из своих апартаментов прямо в церковь.

Однако горожане прекрасно понимали, что переход был построен лишь для того, чтобы дать королю возможность беспрепятственно встречаться с мадам де Шатору... И в народе с недовольством говорили, что если Людовик XV прибыл в Мец только для того, чтобы показать дурной пример провинциальным женам, то он мог бы оставаться в Версале.

А вечером шутники собирались группами под галереей и распевали куплеты:

О красotka Шатору!
Если Вас не поцелую,
Сойду с ума или умру!

Нельзя сказать, что они были слишком непристойными.

Короче говоря, поход во Фландрию начинался довольно своеобразно...

В начале августа 1744 года король, который все еще пребывал вместе с мадам де Шатору в Меце, был приглашен герцогом Ришелье на ужин, где собрались все придворные дамы из свиты фаворитки.

Веселье удалось на славу. Вот что писал об этом застолье летописец: «Господин Ришелье чаще запускал руку под юбку своей соседки по столу, чем в вазу с конфитюром...»

Король был рад, что мог хотя бы на несколько часов отвлечься от военных забот. Он даже улыбнулся и поприветствовал находившихся за столом дам. После десерта герцог Ришелье, воодушевленный хорошим настроением короля, совершил необдуманный поступок, имевший неожиданные последствия: он пригласил Людовика XV, мадам де Шатору и мадемуазель Лораге, сестру фаворитки и отставную любовницу государя, в комнату, где стояла широкая кровать.

Разумеется, никто никогда не узнал, что же произошло в ту ночь между тремя людьми, которых Ришелье с лукавой предосторожностью запер на ключ, но на следующее утро король был настолько изнурен, что «не смог встать с постели...».

И через день король все еще пребывал в постели, а вызванный к нему врач констатировал тяжелую форму горячки.

Весть о болезни короля с молниеносной быстротой распространилась по городу, посеяв панику среди жителей Меца.

В храмах шли непрерывные богослужения, горели свечи, пел церковный хор. Людовик XV, не на шутку испугавшись, что может умереть, призвал своего духовника, отца Перуссо, хитрого иезуитского монаха.

Королевский духовник был сторонником принцев крови и ненавидел мадам де Шатору. Заручившись согласием епископа Суассона Фиц-Жама, он решил воспользоваться случаем, чтобы попытаться избавиться от фаворитки. Склонившись над больным королем, он произнес:

– Если вы хотите получить причастие, то должны изгнать вашу сожительницу.

Час спустя пришла очередь епископа Суассона поучать больного, состояние здоровья которого ухудшалось с каждой минутой:

– Пусть злые духи оставят вас, – повторял он. До самого вечера монахи сменяли друг друга у изголовья больного государя. К семи часам король, чувствуя, что последние силы оставляют его, наконец сдался и тихо прошептал:

– Пусть она убирается на все четыре стороны... Не теряя ни минуты, прелат стремительным шагом направился в комнату, где мадам де Шатору вместе со своей сестрой ждала известий о здоровье короля. «Они услышали, как с шумом отворилась двухстворчатая дверь, – писал присутствовавший при этой сцене Ришелье, – и увидели Фиц-Жама, опирающегося одной рукой на ручку двери, со включенными волосами, горящими нездоровым блеском глазами и покрасневшимся лицом.

– Король приказывает вам поскорее убрать ся отсюда на все четыре стороны, – произнес он.

И удалился, тут же распорядившись о том, чтобы снесли деревянную галерею, соединявшую королевские покои с апартаментами герцогини, и таким образом оповестил народ о разрыве короля с любовницей».

«Потрясенные внезапной немилостью церкви, – пишет далее Ришелье, – обе фаворитки застыли на месте как вкопанные и не произнесли ни слова, но герцог Ришелье⁴⁰, зная о любви короля к мадам де Шатору, а также о том, что государь очень быстро попал под влияние своих министров и придворных, заявил, что сделает все возможное, чтобы отменить распоряжение короля об отставке фавориток, и возьмет всю ответственность на себя, если те решат остаться и не выполняют отданного во время горячечного бреда приказа».

В свою очередь, священники времени даром не теряли, разослав по всем приходам следующее распоряжение:

«Закреть святые дарохранильницы, для того чтобы немилость церкви стала еще более ощутимой и чтобы король не отдал новых распоряжений».

Но на этом они не остановились. Было объявлено о том, что король будет причащен только после отъезда обеих сестер.

– Законы церкви и наши святые каноны, – заявил Фиц-Жам королю, – запрещают причащать умирающего, пока любовница еще находится в пределах города. Прошу, Ваше Величество, дать новые указания, чтобы ускорить отъезд фавориток.

И умышленно добавил:

– Время не терпит. Вы можете скоро умереть. Фиц-Жам с таким нажимом произнес слово «любовница», что у короля побежали мурашки по спине и он согласился со всем, что от него требовали. Приказ Людовика XV был на этот раз выполнен с таким рвением, что на королевской конюшне не нашлось ни одной кареты для бывших фавориток, чтобы оградить их от народного гнева.

В этот скорбный час все отвернулись от молодых женщин. И только маршал Бель-Исль, опасаясь, что их могут забить камнями, и вспомнив об услугах, которые они ему оказали, сжалился над женщинами и нашел для них карету, в которую они поспешно забрались и тут же задернули шторы, чтобы народ не узнал и не растерзал их⁴¹.

Как только фаворитки покинули город, епископ Суассона дал разрешение на причастие короля...

В то время пока король получал последнее причастие, мадам де Шатору спасалась бегством вместе со своей сестрой под градом насмешек, оскорблений, угроз и улюлюканье толпы. Их забрасывали камнями, карету обливали помоями и даже содержимым ночных горшков. А в Коммерси горожане едва не разбили окна кареты и не разорвали фавориток на куски. И только вмешательство городского нотабля спасло их.

Естественно, самые ужасные оскорбления обрушились на голову мадам де Шатору, о которой народ распевал:

Несчастья все, что с нами происходят,
Лишь только от нее одной исходят.
Не без ее советов и решений
Мы потерпели столько поражений.
Теперь вы все узнаете о ней,
Увидите, кто при дворе главней.

Несмотря на все оскорбления, в Париж мадам де Шатору не поехала. Она объяснила свой поступок в письме герцогу Ришелье, ласково называя его «дядюшкой».

«Я думала, что, пока король не пришел в себя после болезни, он будет исключительно набожен. Но как только он почувствует себя лучше, я готова держать пари, что он вспомнит обо мне и наведет справки о моей судьбе у Лебеля или у Башелье. А они всегда были за меня. И моим неприятностям придет конец. Я верю, что ничего плохого не произойдет и король отменит свое решение. А я пока в Париж не вернусь. После серьезных размышлений я пришла к заключению, что лучше остаться вместе с сестрой в Сент-Менеу. Бесплезно ему сейчас об этом говорить по одной лишь причине, что, пока он узнает, где я нахожусь, пройдет по крайней мере два или три дня. А я сама могу заболеть после такого ужасного путешествия...»⁴²

И пока мадам де Шатору со своей сестрой устраивались в Сент-Менеу, в Мец была обеспокоенная состоянием здоровья своего супруга королева. Увидев скрюченного в постели короля, она залилась слезами и осыпала его поцелуями «на протяжении целого часа...».

Король, считавший, что часы его сочтены, мужественно вынес приступ сентиментальности королевы. И, расчувствовавшись, даже произнес:

– Мадам, я прошу у вас прощения за скандал, виновником которого я стал, за все неприятности и горе, причиненное вам.

Покаяние, похоже, оказало благотворное влияние на состояние здоровья государя. Неделью спустя он почувствовал себя намного лучше.

Радостная весть облетела все королевство и вызвала бурю восторга у простого народа, уже было похоронившего своего повелителя. Именно тогда под веселый перезвон колоколов парижане стали звать Людовика XV горячо любимым государем.

В конце сентября монарх возвратился в столицу. Чтобы лучше разглядеть проезжавшего по улицам Парижа короля, горожане забирались на крыши домов, памятники, верхушки деревьев. Женщины не скрывали слез радости. Все с восхищением смотрели на молодого, прекрасного как бог короля, которому только что исполнилось тридцать четыре года.

Среди встречавших Людовика XV в толпе горожан находилась и мадам де Шатору, гордая и счастливая триумфальным возвращением в столицу своего возлюбленного. Неожиданно ее узнал какой-то парижанин:

– Вот его шлюха! – воскликнул он.

И плюнул даме в лицо.

Мадам де Шатору вернулась домой весьма огорченной.

После возвращения Людовика XV в Париж Мария Лещинская наивно полагала, что король стегнет ей ближе и разделит, как и раньше, с ней ее ложе. Но мечтам не суждено было сбыться. Как только король пришел в себя и окончательно поправил свое здоровье, он стал громко жаловаться, что некоторые придворные воспользовались его болезнью и недостойно отнеслись к «человеку, который был виноват лишь в том, что слишком его любил».

Целый месяц все его помыслы были заняты милой его сердцу герцогиней. Наконец, не в силах более сдерживать свой пыл, поздним вечером 14 ноября король покинул дворец. Он пересек мост Пон-Рояль и, поднявшись по улице Бак, оказался перед домом мадам де Шатору. «Он хотел, – писал Ришелье, – снова покорить герцогиню, попросить прощения за все, что произошло в Меце во время его болезни, и выяснить, на каких условиях она смогла бы вернуться ко двору».

Но его ждал неприятный сюрприз: молодая женщина простудилась, и ее прекрасное лицо было обезображено огромным флюсом. Король, будучи человеком воспитанным, сделал вид, что ничего не заметил, и попросил ее вернуться в Версаль.

Красавица оказалась злопамятной.

– Я вернусь лишь тогда, когда не увижу герцога де Буйона, герцога де Шатийона, Ларошфуко, Баллерау, отца Перуссо и епископа Суассона.

Испытывая непреодолимое желание вновь заключить в объятия свою любовницу, король согласился выполнить все ее требования. И они легли в постель, чтобы отпраздновать свое примирение. «Тогда, – писал Ришелье в своих мемуарах, – мадам де Шатору решила порадовать своего любовника особыми ласками. Но длительная разлука, тяготы путешествия и пережитые волнения так разожгли их любовный пыл, что им не удавалось его удовлетворить. Уходя утром на следующий день, король оставил герцогиню в постели с головной болью и высокой температурой».

Бедная женщина так и не смогла оправиться от болезни, и две недели спустя отдала Богу душу.

Видимо, так было предрешиено Всевышним, что один из любовников отойдет в мир иной после бурной любовной ночи...

Смерть мадам де Шатору застала Людовика XV врасплох. К этому времени он уже исчерпал все возможности семейства Несле по женской линии, а нового источника поставки любовниц еще не нашел, что весьма сказывалось, к огорчению окружающих, на его настроении.

Придворные дамы лишь ждали подходящего момента, чтобы перейти в наступление. Дворец был переполнен прелестными молодыми особами в призывно шуршащих юбках, искавших лишь случая, чтобы привлечь внимание короля, нарушая порой все правила приличия. Одни появлялись в платьях с таким глубоким декольте, что почти полностью обнажали грудь, другие, как бы нечаянно, задирали юбки, чтобы показать королю стройную ножку, третьи обращались за помощью к своим друзьям, чтобы те распространили лестные слухи об их богатом опыте в любовных утехах и пылком темпераменте.

Самой предприимчивой оказалась мадам де Рошекуар.

Этой прелестной герцогине и раньше случалось пользоваться вниманием короля, а теперь, решив, что имеет все права стать преемницей мадам де Шатору, женщина совсем потеряла всякий стыд. Она часами простаивала у дверей королевских покоев или в тени кустарника на аллее парка, где, по ее сведениям, должен пройти монарх. А при его появлении бросала на него томные взгляды. Однако Людовик XV, раздраженный ее излишней навязчивостью, проходил мимо, не удостоив даму даже взглядом, и при дворе о ней стали говорить, что она «похожа на лошадь из захудалой конюшни, которая всегда под рукой, но никому не нужна».

В начале февраля 1745 года претендентки на титул фаворитки были в приподнятом настроении: они узнали, что по случаю бракосочетания дофина с инфантой Испании в Версале состоится бал-маскарад.

А такое событие предоставляло большие возможности для обольщения короля. И вполне возможно, что государь наконец решится сделать свой выбор.

Наиболее осведомленные придворные строили предположения и даже держали пари, а придворные дамы, мечтавшие о месте фаворитки, были готовы отдаться даже любому лакею, лишь бы узнать, в каком маскарадном костюме будет на балу король.

Наконец прошел слух, что Его Величество будет на балу в костюме лиса.

А вскоре придворные дамы с досадой узнали, что Людовик XV решил пригласить на бал всю городскую знать. А это значило, что во дворце соберутся самые красивые горожанки, которых король никогда не видел, а они могли вполне ему показаться весьма соблазнительными...

– Эти горожанки, – с гневом восклицала мадам де Рошекуар, – будут вести себя во дворце как уличные девки и пойдут на все, чтобы попасть в постель короля. Я уверена, что мы будем присутствовать на непристойном зрелище.

– Какую картину мы будем являть собой в глазах Европы в то время, когда все взгляды прикованы к Франции! – еще с большим возмущением вторила ей мадемуазель де Лораге.

Но эти разговоры были внезапно прерваны 15 февраля, когда по городу разнесся слух о том, что на балу-маскараде Людовику XV будет угрожать опасность. А некоторые наиболее информированные придворные ссылались на предсказание Нострадамуса, сделанное, как им казалось, по случаю бала-маскарада, назначенного на 25 февраля:

Народ увидеть короля собрался отовсюду,

Узреть и принцев и послов.
Вдруг стены рухнули...
Благодаря лишь чуду
Король сумел спастись, нетронут и здоров.

Добрые люди не ошиблись и на этот раз: на голову короля свалилась не колонна, а женщина, которая многим принесет несчастье, так как этой женщиной окажется будущая мадам де Помпадур...

Глава 6

Мадемуазель Пуассон – лакомый кусочек для короля

Даже в самой лучшей рыбе попадают кости.
Греческая пословица

Вечером 25 февраля в Версальском дворце состоялся бал-маскарад. Под звуки веселой музыки в Большом парадном зале танцевал и веселился весь Париж. То тут, то там мелькали костюмы арлекинов и коломбин, одежды турок, армян, китайские косички и перья дикарей. Пастухи и пастушки кружились в танце. Неожиданно распахнулись двери, ведущие из королевских покоев, и на пороге появились восемь человек в маскарадных костюмах и масках...

Молодые женщины, пришедшие на бал попытать счастья, пребывали в полной растерянности. Кто же из них король? Женщины, одна за другой, подходили поближе, стараясь разглядеть под маской лицо государя...

В конце концов одной из них, мадам де Портай, показалось, что она узнала Людовика XV.

Приблизившись вплотную к нему, она сбросила свою маску и начала, по словам Сулави, «приставать и поддразнивать», как ей казалось, короля. Но она ошибалась: под маской скрывался один из королевских гвардейцев, знавший даму в лицо. Гвардеец, не растерявшись, увлек молодую женщину в комнату, скрытую от посторонних глаз, и там воспользовался всеми преимуществами своего положения.

Некоторое время спустя мадам де Портай, радуясь выпавшей ей удаче, спустилась в зал, где шумел карнавал, даже не приведя в порядок свое платье. Однако королевский гвардеец, не считая себя обязанным скрывать то, что предназначалось другому, поспешил за дамой, рассказывая на ходу всем, кто изъяснял желание его слушать, о своей удаче и об ошибке молодой женщины⁴⁴.

Ведь всем известно, что промах одного нередко на руку другому...

Король раскрыл себя только под утро, когда обратился с комплиментом к одной из красавиц в костюме Дианы-охотницы. Его тут же окружила толпа придворных. Однако не осталось незамеченным и то, что от группы горожанок отделилась одна женщина и с особой настойчивостью стала пытаться привлечь к себе внимание короля. И это ей удалось. Король подошел к ней и сказал в ее адрес несколько любезных слов. Красавица сбросила маску. Так король впервые увидел мадам д'Этиоль.

«С утонченным кокетством, – писал Сулави, – она сделала вид, что хочет скрыться в толпе после того, как нечаянно или умышленно обронила свой платок, который тут же был учтиво подхвачен королем. Людовик XV не смог из-за стоящих вокруг него придворных передать платок в руки дамы и бросил его через их головы с самым учтивым видом. Со всех сторон послышался шепот: “Платок брошен”. Это был первый успех мадам д'Этиоль. Ее соперницы же были обескуражены»⁴⁵.

Молодая женщина, обратившая на себя внимание короля в разгар бала, была голубоглазой блондинкой. По словам современников, у нее «было свежее и нежное личико, покрытое прозрачной бледностью, словно после любовных утех», а взгляд был полон очаровательного лукавства.

Общее впечатление портил маленький досадный недостаток: бескровные бледные губы. Сулави писал: «Она так часто их покусывала, что, видимо, повредила мелкие артерии, и этим, возможно, объяснялся их желтовато-серый цвет в тот момент, когда она забывала прикусывать их зубами».

Но, в конце концов, к такой окраске губ вполне можно было привыкнуть, а некоторые мужчины даже находили особую прелесть в бледных губках...

После того как король отошел от мадам д'Этиоль, на нее устремили пылающие от ненависти взгляды все присутствовавшие на балу-маскараде женщины, пытаясь отыскать в ней какие-либо изъяны. Придворные красавицы в первую очередь были уязвлены тем, что король предпочел им простую горожанку! И из какой семьи! Мадам д'Этиоль звали Жанной-Антуанеттой Пуассон. Она не была дочерью торговца мясом, как часто утверждают некоторые историки, а родилась в семье мелкого служащего Франсуа Пуассона, занимавшегося поставкой продовольствия для армии, что, в общем-то, не намного престижнее. Он родился в 1684 году в семье ткача в Лангре. В возрасте двадцати лет Франсуа покинул родительский дом и последовал в качестве возчика боеприпасов за армией маршала Вийара. Во времена Регентства он уже был одним из главных помощников братьев Пари. Но в 1725 году Франсуа оказался замешанным в махинациях с продовольствием, ставших предметом расследования интендантской службы армии. В Париже даже поговаривали, что его «своевременная» высылка из столицы позволила ему избежать тюрьмы...

Что же касается его супруги, мадам Пуассон, то эта дама вела такую бурную личную жизнь, что позволило братьям Пари долго оспаривать отцовство Жанны-Антуанетты.

Когда девочке исполнилось восемь лет, мадам Пуассон вдруг заметила необычную красоту своей дочери и воскликнула:

– Вот лакомый кусочек для короля!

И с тех пор девочку стали называть маленькой королевой.

Через год мадам Пуассон отвела дочь к гадалке, которая без тени сомнения в голосе заявила:

– Ты будешь любовницей короля⁴⁶. Предсказание чрезвычайно обрадовало все семейство Пуассон.

В 1741 году, в возрасте двадцати лет, Жанна-Антуанетта вышла замуж за Шарля-Гийома Ленормана д'Этиоля. И с первого дня своего замужества она не переставала мечтать о том, как попадет во дворец, где жил монарх, и станет его любовницей.

Еще при жизни мадам Шатору, задолго до бала-маскарада, Жанна-Антуанетта пыталась несколько раз обратить на себя внимание Людовика XV. Во время королевской охоты в лесу Сенар она прогуливалась в изысканном наряде по просеке, по которой должен был проследовать государь. Но все старания юной особы были напрасны.

Однажды вечером король, возвращаясь с охоты, посетил замок д'Этиоля и оставил хозяину дома в подарок оленя. Обрадовавшись такому знаку внимания, господин Ленорман повесил рога в своем кабинете, а Жанна-Антуанетта расценила королевский подарок как счастливое предзнаменование...

С этого дня она поверила в свою судьбу.

После того как мадам д'Этиоль уронила платок на балу-маскараде, ей не пришлось долго ждать приглашения короля. Людовик XV послал за ней своего камердинера Вине, к тому же оказавшегося ее двоюродным братом. И «лакомый кусочек» был препровожден без промедления в Версаль, и в тот же вечер мадам д'Этиоль уже лежала в гостеприимной постели монарха...

Увы! Есть области, где даже монарх не всемогущ. У Людовика XV, по выражению Морепаса, произошла осечка, и он не смог насладиться прелестями своей новой подруги. И

мадам д'Этиоль пришлось смириться с такой неприятностью и попытаться по возможности скрыть от окружающих свое разочарование.

Но на следующий день весь двор уже знал о неудаче короля, а некоторые шутники уже распевали следующий куплет:

Эй, дерзкая, на что ты замахнулась?
Ты, говорят, монарху приглянулась?
Мечта сбылась? Не твой удел!
Брось это, и не стоит вспоминать.
Мы ж знаем: вечером король хотел
Тебе свое расположение доказать, но не сумел...

А ведь бедняжка ждала этого события с девятилетнего возраста!

Несколько дней спустя к государю, к счастью, вернулись покинувшие на какой-то момент силы, и он смог продемонстрировать мадам д'Этиоль на широкой королевской постели переполнявшие его нежные и пылкие чувства, которые были оценены его новой любовницей по достоинству...

Людовик XV в свою очередь был в восторге от Жанны-Антуанетты, которая, «несмотря на природную холодность, по словам Сулави, была весьма изобретательна в постели». Однако у мадам д'Этиоль не было уверенности в завтрашнем дне. Она хорошо понимала, что весь двор – дофин, высшее духовенство, министры – должен ополчиться против нее. Зная слабохарактерность короля, она опасалась своей скорой отставки еще до того, как станет всеми признанной фавориткой.

И вот тогда в ее голову пришла, как ей казалось, гениальная мысль: Жанна-Антуанетта отправила Людовику XV письмо, в котором сообщила, что ее муж чрезвычайно ревнив, злые люди непременно донесут ему о постигшем его несчастье и что в будущем ее ждет неминуемая расплата. И она попросила у короля защиты.

Простодушный король пригласил свою новую любовницу укрыться в Версале...

Ее не надо было просить дважды.

Пока она устраивалась в бывших покоях мадам де Майли, господин Турнэм, естественно бывший на ее стороне, сообщил Ленорману д'Этиоль, что его жена стала любовницей монарха:

– Ее охватила такая безудержная страсть к королю, что она не смогла побороть свое чувство. Вам ничего не остается, как подумать о разводе.

При этих словах боготворивший Жанну-Антуанетту супруг едва не лишился чувств. Придя в себя, он было схватился за пистолет и заявил, что за свою жену готов биться с королем на дуэли. Турнэму ничего не оставалось, как обезоружить незадачливого супруга и попытаться его образумить. Убитый горем, д'Этиоль на следующий день покинул Париж.

Освободившись от ставшего ей помехой мужа, мадам д'Этиоль вздохнула с облегчением. Одна часть пути наверх была пройдена. Теперь ей осталось сделать самое трудное: заставить двор признать ее фавориткой короля. А задача эта была не из легких. Ее слишком свободные манеры, вульгарная речь простой парижанки из мелкобуржуазной среды, «воспитанной улицей», как писал Морепас, не могли прийтись по душе королевским придворным. Они были в самом деле шокированы, услышав, как фаворитка называет герцога Шону «мой поросенок», аббата Берии – «мой голубок», а мадам д'Амбрион – «моя неряха».

Однажды мадам д'Этиоль пригласила к себе во дворец одного из своих многочисленных двоюродных братьев, с тем чтобы узнать, сможет ли быть ему полезной при дворе, и

посмотреть, куда его можно пристроить. Но, увидев, какой он недалекий и неотесанный, она отослала его обратно домой со словами:

– Мой двоюродный брат – полная бездарность. Но что с такой дубиной стоеросовой можно сделать?

И в течение нескольких недель весь двор потешался над словами фаворитки, сказанными о своем родственнике.

Ее мать, мадам Пуассон, даже и не подозревала, как зло высмеивали придворные шутики ее дочь. Не пережив радости, что слова гадалки сбылись и ее самое большое желание осуществилось, она легла однажды вечером в постель и под утро мирно скончалась с улыбкой на лице. Однако ее муж не проявил подобной сознательности. Человек невоспитанный, безнравственный и грубый, он неоднократно причинял неприятности своей дочери. Однажды он заявился во дворец, куда ранее беспрепятственно входил в любое время суток, чтобы навестить свою дочь, но путь ему преградил взятый недавно на службу камердинер.

– Ничтожный! – воскликнул взбешенный папаша. – Разве ты не знаешь, что я отец королевской шлюхи?

Такие грубые слова никогда ранее не звучали под крышей дворца и считались неприличными даже для простых слуг.

Подобные происшествия в конце концов восстановили против фаворитки большую часть двора, и она вновь почувствовала, что почва начинает уходить из-под ее ног. Чтобы иметь полное право жить при дворе и считаться официальной любовницей короля, ей был необходим какой-нибудь титул. И она вновь обратилась с просьбой к королю.

Счастливый Людовик XV ни в чем не мог отказать своей любовнице. Он выкупил владения маркиза Помпадура, расположенные в графстве Овернь⁴⁷ и приносившие владельцу от 10 до 12 тысяч ливров в год, возвел Жанну-Антуанетту в ранг дамы свиты королевы и, воспользовавшись тем, что шел пост, признал ее «официальной любовницей».

Новоиспеченная маркиза была на вершине блаженства, думая, что наконец исполнились ее самые дерзновенные мечты. И она, по всей вероятности, вознесла бы молитву Богу, если бы хоть чуть-чуть верила в него.

Вскоре ей покажется недостаточным играть роль простой любовницы, и она захочет заняться политикой. Но это произойдет немного позже, а сейчас некоторые придворные считали, что мадам Помпадур будет довольствоваться легкой и беззаботной жизнью обычной фаворитки и не более того.

Однако вскоре они поняли, что ошиблись. В самом деле окажется, что судьба распорядилась так, чтобы она сыграла значительную роль в истории Франции. «Если бы она не встретилась на том отрезке истории на жизненном пути Людовика XV, – писал Пьер де Нолак, – то политика королевства была бы совсем иной. Вопросы финансов, религии и, возможно, дипломатии решались бы по-другому. В те времена, которые оставили глубокий след в истории Франции, небезынтересно знать, что женщина, обладавшая выдающимся умом и умевшая его ловко использовать⁴⁸, подчинила своему влиянию монарха с неограниченной властью и стала большим правителем государства и больше дорожила властью, чем сам Людовик XV»⁴⁹.

Генрих Мартен в свою очередь писал: «Это была первая женщина в Версале с задатками премьер-министра. Мадам Помпадур была создана для правления почти так же, как и Флери!»

А пока, весной 1745 года, мадам Помпадур готовилась прибрать к рукам могущественного правителя Франции, который собирался во Фландрию, где должен был присоединиться к Морису Саксонскому.

Именно в это время армия получила столь необходимое пополнение благодаря усилиям нескольких сотен красивых девушек, разъезжавших по всему королевству.

Эти девушки были помощницами вербовщиков в армию.

В Париже их можно было встретить в трактирах на набережной Феррай и в районе Поршерон. Когда красавицы замечали, что мимо проходит молодой человек с озабоченным лицом, они завлекали его в зал и заставляли выпить несколько стаканчиков вина, позволяя ему всякие вольности, а иногда даже отдавались прямо на лавке трактира. Вот тогда-то и появлялись вербовщики рекрутов для королевской армии и начинали уговаривать молодого человека:

– Хочешь ли ты отправиться в страну, где много красивых девушек? Туда, где золото гребут лопатой?

Простак утвердительно кивал головой.

– Отлично! Я могу тебе помочь: это чудесное местечко находится во Фландрии...

И в конце концов между двумя пинтами вина вербовщик заставлял молодого человека подписать уже почти готовый контракт, а час спустя несчастный парень выходил, пошатываясь, из трактира уже с кокардой на головном уборе.

Он только что стал солдатом армии Его Величества.

В конце апреля все рекруты, завербованные насильно или пришедшие в армию по доброй воле, находились уже под Турнейэмом, куда вскоре и прибыл король в сопровождении дофина.

На этот раз Людовик XV не повторил ошибку, совершенную им в прошлом году, когда его фавориткой была мадам Шатору: он оставил свою новую любовницу в Этиоле. Там она и узнала о победе, одержанной под Фонтенуа, из письма, опечатанного личной печатью короля с галантным девизом: «Сдержанность и верность».

По возвращении короля в Париж, все более чувствуя свою власть, фаворитка повела себя, по мнению придворных, самым возмутительным образом.

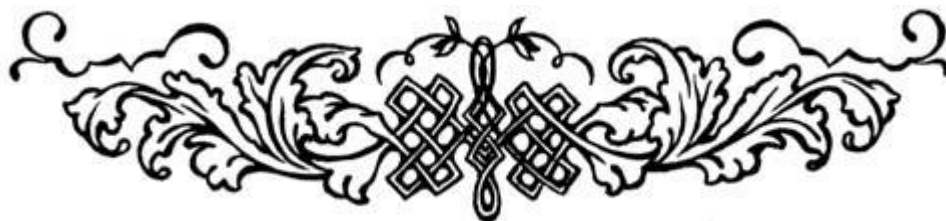
«Мадам Помпадур, – писал герцог Ришелье, – потребовала на правах любовницы того, что мадам Ментенон получила как незаконная супруга... В рукописях Сен-Симона она прочитала, что мадам Ментенон едва приподнималась с кресла при появлении наследника престола или брата короля и принимала у себя принцев и принцесс лишь тогда, когда ее просили об этом заранее, или же тогда, когда хотела их отчитать за какую-либо провинность. Мадам Помпадур полностью переняла этот этикет и позволила себе совершенно беспеременно обходиться с принцами крови. Придворные терпели ее капризы с подобострастием, за исключением принца Конти, весьма холодно с ней говорившего, и дофина, не скрывавшего к ней своего презрения.

Действительно, и дофин и его сестра называли мадам Помпадур не иначе как госпожой шлюхой, чем вызывали нарекания со стороны д'Аржансона, считавшего неподобающе слышать такие слова из уст хорошо воспитанных детей»⁵⁰.

Весь двор высмеивал манеры выскочки из низов. «При дворе только и говорят, – писал д'Аржансон, – о простонародной и неграмотной речи маркизы, пользующейся абсолютной властью и исполняющей фактически обязанности премьер-министра, возлагавшиеся раньше на кардинала. Как-то раз, прощаясь с послом, она сказала ему: “Продолжайте в том же духе, я очень вами довольна. Знайте, что я уже давно испытываю к вам самые дружеские чувства”. Мадам Помпадур не задумываясь высказывает свое мнение по любому государственному вопросу, принимает важные решения, управляет королевскими министрами, словно своими подчиненными. Но самым прискорбным является то, что начальник полиции Беррьо сообщает этой даме обо всем, что происходит и о чем говорят в Париже. А она, как и всякая другая женщина, руководствуется личными пристрастиями, и ей не хватает здравого смысла и порядочности, когда она решает судьбы других»⁵¹.

Некоторое время спустя мадам Помпадур потребовала от короля наградить ее дворцового королевским военным орденом Людовика Святого, считая, что без орденской ленты он не достоин прислуживать фаворитке...

Несмотря на дарованные королем титулы, некоторый приобретенный внешний лоск и природный ум, мадам Помпадур, тем не менее, совершила в своей жизни немало неблагоприятных поступков. До самой смерти эта женщина, которую некоторые пристрастные историки считали выдающейся личностью, так и не смогла избавиться от повадок, присущих выскочкам из самых низов...

Глава 7

Маркиза Помпадур ответственна за заключение бездарного Ахенского мира

Несчастье для государства, если в его правительстве есть женщины.
Ришелье

Однажды мадам Помпадур выразила желание быть официально представленной королеве. После того как она склонилась в реверансе перед королевой под строгим взглядом мадам де Конти, Мария Лещинская, хотя и имевшая веские основания относиться к фаворитке с некоторым предубеждением, приняла свою соперницу с изысканной любезностью, а после ее ухода сказала:

– Если королю так нужна любовница, то уж лучше мадам Помпадур, чем какая-либо другая женщина.

Эти слова еще более укрепили положение мадам Помпадур при дворе.

Несколько дней спустя королева, однако, не смогла удержаться, чтобы не попытаться выставить соперницу в смешном свете. Встретив случайно фаворитку с огромным букетом цветов в обнаженных руках, «королева, – вспоминает мадам Кампан, – стала вслух расхваливать цвет ее глаз, красоту рук и грациозной походки, а затем попросила спеть. Хотя мадам Помпадур прекрасно понимала, что за этой просьбой скрывается насмешка, она не осмелилась отказать королеве. И маркиза решила, не без умысла конечно, исполнить ту самую арию из “Армиды”, в которой чародейка, заключив Рено в золотую клетку, пела:

– Наконец он в моей власти!..

Заметив, как помрачнело лицо Ее Величества, все присутствовавшие при этой сцене дамы, естественно, были вынуждены придать своему лицу соответствующее выражение»⁵².

К счастью для фаворитки, королева была добра и незлопамятна. На следующий же день она забыла обиду, и вскоре между двумя женщинами воцарился мир, к радости Людовика XV, который терпеть не мог осложнений...

Окончательно обосновавшись во дворце, где маркиза Конто начала учить ее правилам хорошего тона, мадам Помпадур укрепила свое положение, взяв на себя заботу об организации празднеств, балов и всевозможных развлечений. Она очень любила театр и сама участвовала во всех спектаклях. Обладая несомненным актерским талантом и прирожденной склонностью к лицедейству, она разжигала любовный пыл государя, часто изменяя свою внешность. Порой она переодевалась и представляла перед королем то в платье монахини, то настоятельницы монастыря, то в костюме пастушки. А однажды она явилась к нему в платье молочницы с ведром парного молока.

Все ее уловки, имевшие своей целью обольстить короля, тем более достойны похвалы, что маркиза не обладала страстным темпераментом и ей стоило большого труда играть роль пылкой любовницы. Она прибегала к различным хитростям, чтобы хоть как-то соответствовать горячему темпераменту короля. Вот что рассказывала ее верная камеристка, мадам Оссе, о некоторых возбуждающих средствах, которыми пользовалась ее хозяйка:

«Мадам Помпадур прибегала к различным средствам, чтобы нравиться королю и отвечать на его сладострастные порывы. Одно время она начала употреблять в большом количестве за завтраком ароматизированный шоколад с тройной порцией ванилина, а на обед – трюфели и супы с сельдереем».

Хотя такой рацион и возбуждал маркизу, мадам Оссе посчитала его опасным для здоровья его хозяйки и однажды сказала ей об этом, но фаворитка не вняла ее советам. Тогда камеристка обратилась к герцогине Бранкас, которая в свою очередь предостерегла маркизу:

– Моя дорогая подруга, – ответила ей маркиза Помпадур, – я боюсь потерять расположение короля, если перестану ему нравиться. Мужчины, как вы знаете, придают большое значение некоторым вещам. Я, к несчастью, холодная по темпераменту женщина и вынуждена прибегать к различным эликсирам, чтобы как-то исправить этот изъян. И вот уже два дня, как я чувствую, что мои усилия не пропали даром⁵³.

Взяв в руки возбуждающие средства, герцогиня Бранкас тут же выбросила их в камин. Мадам Помпадур с возмущением воскликнула:

– Я не люблю, когда со мной обращаются как с ребенком.

Но тут же, расплакавшись, призналась, что возбуждающие средства вредят ее здоровью.

Когда мадам Бранкас ушла, она позвала свою камеристку, мадам Оссе, и со слезами на глазах сказала:

– Я обожаю короля и хочу доставлять ему удовольствие. Иногда он называет меня рыбой с холодной кровью. Я готова отдать жизнь, лишь бы меня не разлюбил мой повелитель.

Отсутствие темперамента у фаворитки скоро стало достоянием гласности, и вокруг короля вновь стали крутиться женщины.

На всякий случай.

Одна из них, мадам Куаслен, даже заставила поволноваться мадам Помпадур. Как-то вечером в Марли обе женщины обменялись колкостями, позабавив присутствовавших при этом придворных. Маркиза вернулась к себе в состоянии, близком к истерике. Позвав к себе мадам Оссе, она сказала:

– Никто раньше не был столь дерзок со мной, как эта мадам Куаслен. Сегодня я с ней играла в карты, и вы можете себе представить, что я вынесла. Придворные не спускали с нас глаз. А мадам Куаслен вела себя просто вызывающе. Она два или три раза воскликнула, глядя мне в глаза: «Мой ход!» Я думала, что упаду в обморок, когда она произнесла с торжеством в голосе: «Король – мой!» Вы бы посмотрели, какой реверанс она сделала, когда уходила.

– А король, – спросила камеристка, – что он сказал?

– Вы его совсем не знаете, моя милая, – ответила мадам Помпадур. – Если даже сегодня он уложит ее в свою постель, перед всеми он будет с ней холоден, а со мной подчеркнуто любезен. Так уж он воспитан⁵⁴.

Мадам Помпадур не ошиблась: король стал вскоре любовником мадам Куаслен и, похоже, получил немалое удовольствие.

Уязвленная фаворитка вызвала к себе почтового министра Жанеля, просматривавшего по приказу короля частную переписку придворных и докладывавшего государю о наиболее интересных «находках» в письмах его приближенных, и передала ему письмо со словами:

– Король должен знать содержание этого послания, поэтому положите его вместе с той кор респонденцией, которую вы готовите ему для доклада. Если он спросит об авторе, можете ответить, что это советник парламента, и назовите его имя.

На следующий же день на столе у Людовика XV лежало следующее письмо:

«У нашего государя есть верная и достойная подруга, настоящая помощница во всех его начинаниях. Наше самое большое желание – чтобы он с ней никогда не расставался. По характеру она очень добрая и, наверное, не обидит даже мухи. К тому же она богата. А та женщина, о которой сейчас много говорят при дворе⁵⁵, горделива от рождения. Ей будет мало одного миллиона в год – настолько, по слухам, она расточительна. К тому же она соберет

в окружении короля всех родственников, сделает их герцогами, назначит губернаторами, маршалами, и они станут грозой для всех министров».

Эта далеко не лучшая уловка мадам Помпадур оказалась, как ни странно, удачной. Будучи весьма скупым, Людовик XV немедленно расстался с мадам Куаслен.

А несколько дней спустя мадам Помпадур в разговоре с мадам Оссе сказала:

– Прекрасная маркиза потерпела фиаско. Своим высокомерием она отпугнула короля. К то му же она запросила у него слишком много денег. А вы знаете, что король подпишет не задумываясь чек на миллион из казны, но не даст и сотни луи доров из собственного кармана.

Едва успела мадам Помпадур устранить со своего пути соперницу в лице мадам Куаслен, как группа враждебно настроенных к ней министров тут же предприняла попытку подложить в постель короля графиню Шуазель.

Однажды вечером военный министр граф д'Аржансон пригласил молодую женщину в рабочий кабинет Людовика XV, затем вышел, закрыв за собой дверь, и стал терпеливо ждать.

Поскольку из кабинета не доносилось ни звука, он рискнул заглянуть в замочную скважину – и его взору предстала согревшая его душу картина: на широком диване мадам Шуазель добросовестно выполняла возложенную на нее задачу.

Когда через несколько минут графиня вышла из королевского кабинета с растрепанной прической, что являлось своего рода доказательством одержанной победы, д'Аржансон с притворным беспокойством спросил:

– Ну как? Дело сделано?

– Да, – ответила графиня, – я ему понравилась, и он счастлив. А она будет немедленно изгнана из дворца: король дал слово.

Д'Аржансон поспешил поделиться счастливым известием с другими министрами.

Однако их радость была преждевременной: мадам Шуазель «отдалась как уличная девка и была быстро забыта, словно речь шла о простой шлюхе».

Не желая мириться с поражением, д'Аржансон обязал свою собственную любовницу, мадам д'Эстрад, соблазнить короля и занять место мадам Помпадур. Молодая женщина сразу же принялась за дело. В один прекрасный вечер, когда Людовик XV прилег отдохнуть на диван, слегка притомившись после сытного ужина, в комнату на цыпочках вошла мадам д'Эстрад и, быстро сбросив платье, легла рядом с королем.

Но государь, уже дремавший под воздействием винных паров, даже не повернул головы в ее сторону.

Тогда молодая женщина прибегла к средствам, которые быстро привели короля в нужное для нее состояние.

Чем она тут же и воспользовалась.

Увы, ее подвиг не был оценен по достоинству, так как протрезвевший на следующий день король ничего не вспомнил и прошел мимо нее, даже не поздоровавшись.

Заговор сорвался...

И хотя д'Аржансону время от времени удавалось укладывать в королевскую постель очередную знатную даму, ни одна из них не смогла уменьшить влияние маркизы Помпадур. Король все еще был страстно влюблен в свою любовницу и осыпал ее драгоценностями, дарил земли, замки и выполнял все ее просьбы.

Только маркиза могла развеять его тоску, когда король впадал в меланхолию. Во второй половине дня она проходила в его покои по потайной лестнице и под аккомпанемент клавесина исполняла арии из опер и модные песенки того времени.

Вечером они отправлялись в известные всем придворным «малые кабинеты» на ужин, на который приглашались самые близкие придворные. А ночью, по словам одного из авторов

многочисленных «Хроник», «именно маркиза Помпадур была истинной королевой Франции».

С самоотречением, присущим настоящей христианке, Мария Лещинская мирилась с таким положением вещей. Доказательством тому служит история, о которой потом долго вспоминали при дворе. Однажды вечером мадам Помпадур играла с королевой в карты, когда часы пробили десять раз. Немного смущенная фаворитка попросила разрешения оставить игру.

– Конечно идите, – милостиво разрешила королева.

И мадам Помпадур, присев в глубоком реверансе, поспешила в королевскую спальню.

С некоторых пор влияние мадам Помпадур на все сферы государственной деятельности стало таким большим, что министры и сами были не прочь не только услышать ее мнение, но и получить от нее указания. А для короля она стала главным политическим советником.

В августе 1748 года войска под предводительством Мориса Саксонского вели успешные бои в Голландии, овладевая город за городом. Ситуация осложнилась до такой степени, что мадам Помпадур стала уже опасаться, что ее любовник отправится на войну, оставив ее на съедение ненавидящим придворным. Чтобы воспрепятствовать отъезду короля, мадам Помпадур решила склонить короля к заключению мира. Последующие события помогли ей добиться желаемой цели.

После взятия Маастрихта Мария Терезия в панике запросила мира. Франция, которой в ту пору принадлежали Нидерланды, оказалась в самом выгодном положении и на переговорах могла себе позволить быть неуступчивой, чтобы добиться более выгодных условий. Стремясь как можно быстрее заключить мир, мадам Помпадур посоветовала королю не выдвигать никаких требований и вернуть противнику все захваченное, вплоть до военного имущества.

Результатом переговоров стало подписание бездарного Ахенского мира⁵⁶, условия которого возмутили буквально всю Францию. Но в то же время были и такие придворные, которые поспешили поздравить фаворитку с одержанной победой. И одним из них был Вольтер, написавший следующие слова:

«Необходимо признать, что Франция может поздравить себя с этим миром. С удивлением французы узнали, что это плод настойчивой деятельности молодой дамы самого высокого ранга, которая повсюду славится своей красотой, особыми талантами, умом и завидным положением. У Европы такая судьба, что начало этому затянувшемуся конфликту было положено одной женщиной, а конец – другой».

Это совсем не делающее чести писателю письмо наглядно доказывает, какого могущества достигла мадам Помпадур, что ее уже поздравляли даже за явные промахи и ошибки.

Да, именно к этому времени маркиза достигла вершины своего могущества: у нее было больше влияния на короля, чем у принцев крови. «И только одна сила, – писал Пьер де Нолак, – оказывала противодействие маркизе, сила, еще неокрепшая, но уже заметная, чье влияние на решение вопросов государственного устройства возрастало из года в год. И такой силой, на которую не распространялась власть маркизы, было общественное мнение. Сначала благоприятное или безразличное, теперь оно было настроено против фаворитки. Направляемое весьма ловкими людьми, оно ставило ей в вину все ошибки правительства и приписывало ей всю ответственность за всеобщее недовольство народа»⁵⁷.

В 1749 году из рук в руки передавался резкий памфлет, в котором неизвестный автор осуждал этот позорный мир:

Имущества народа подлый расточитель,
Ты каждодневных горестей чинитель,
Раб женщины и алчного министра,
Людовик, знай: небесный гнев тебя настигнет быстро.
Лишь потому тебя вначале мы любили,
Что все твои пороки скрыты были.
Увидишь, как угаснет наше преклоненье:
В сердцах бушует пламень возмущенья.
Войной бессмысленной страну ты истощаешь,
И генералов, и солдат ты растеряешь...

По городу стали распевать так называемые пуассонады⁵⁸. Вот одна из них:

Вельможи знатные в разврате утопают,
Банкиры деньги к деньгам прибавляют.
Все Пуассоны от подачек распухают⁵⁹,
Бездельники здесь царствуют во всем:
Финансы всячески изводят,
В долги влезают и дворцы возводят.
Страна в упадок медленно приходит.
У короля ж порядка нет ни в чем, чем, чем.
Одна простолюдинка разбитная,
На чувствах самых низменных играя,
На свой аршин придворных измеряя,
Двор превращает в место для утех.
Король, хотя и очень щепетилен он,
В нее, как видно, по уши влюблен,
И в страсти этой до того смешон,
Что у Парижа вызывает смех, смех, смех.
Развратом всем известная своим,
Она и королем командует самим,
Награды продает друзьям своим
За деньги, что отняты у народа.
Все, словно идолу, сей шлюхе поклоняются,
Придворные, вельможи унижаются
И хамству и нахальству подчиняются.
Что делать – дикая порода, рода, рода.

Но эти оскорбления несколько не уменьшили могущества мадам Помпадур, сравнивавшую по своему положению с премьер-министром.

Такой головокружительный взлет женщины из народа, еще два года назад не знавшей ни этикета, ни особого языка двора, постепенно внушил суеверное уважение к ней со стороны придворных. Мало-помалу почти все смирились с присутствием фаворитки и приняли ее в свой круг, кроме Морепаса и герцога Ришелье. Первый высмеивал мадам Помпадур, а второй пытался отстранить ее от власти, уложив в постель короля свою собственную любовницу, мадам Поплиньер.

Это была пылкая, начитавшаяся любовных романов брюнетка, любившая «бродить по лесным чащам с распущенными волосами в одежде Дианы-охотницы». Она была женой главного откупщика налогов Лериша Поплиньера и жила в роскошном особняке на улице Ришелье⁶⁰.

Ее любовная связь с герцогом, длившаяся уже три года, стала причиной большого скандала. Узнав в 1746 году о том, что жена ему наставляет рога, господин Поплиньер ворвался в комнату своей супруги, сильным ударом сбил ее с ног и зверски избил.

В пылу гнева Поплиньер старался «бить ногами по лицу своей супруги», у несчастной женщины на следующий день «голова распухла так, что стала похожа на тыкву с шишками величиной с кулак».

При этом он пригрозил, что убьет ее, если она будет продолжать встречаться с Ришелье.

Когда герцог узнал о происшествии, он снял дом по соседству от особняка, где жила его любовница, и устроил секретный проход между двумя домами. Теперь он мог незаметно через чугунную плиту камина попадать в спальню молодой женщины.

В 1748 году исполнилось два года с той поры, как любовники без помех встречались в спальне мадам Поплиньер. Вот тогда-то герцог Ришелье и решил уступить свою любовницу королю.

Возможно, что мадам Помпадур почувствовала приближавшуюся опасность. И не без ее помощи откупщик налогов в ноябре 1748 года узнал о том, что его жена продолжает встречаться с герцогом Ришелье. Озадаченный, Поплиньер долго ломал голову над тем, как герцогу удастся проникать в его дом незамеченным. Однажды, когда его жена вместе с другими придворными присутствовала на военном смотре, он тщательно осмотрел весь дом вместе с известным физиком и механиком Вокансоном.

Наконец они подошли к чугунной плите камина.

– Как раз за этой стеной, – сказал Поплиньер, – находится спальня герцога Ришелье. Доста точно секретного хода, чтобы беспрепятственно проникать в эту комнату.

Вокансон ударил тростью по плите и услышал гулкий звук. Наклонившись, он внимательно осмотрел камин и обнаружил неприметный стык.

– Какая работа! – с восхищением воскликнул он⁶¹ и просунул в паз лезвие перочинного ножа. Под действием скрытой пружины плита повернулась. Господин Поплиньер пришел в неописуемый гнев.

Тем же вечером он выгнал жену из дома. А весь город несколько дней подряд потешался над незадачливой любовницей всемогущего герцога. На улицах горожане распевали песенки о приключениях жены главного откупщика налогов, а на Рождество на улицах продавались игрушки, сделанные из картона, изображавшие камин с чугунной плитой, за которой можно было видеть прятавшихся мужчину и женщину.

Мадам Помпадур могла больше не опасаться соперницы в лице мадам Поплиньер, ставшей посмешищем всего Парижа...

Глава 8

Тайна Оленьего парка

В супружеской измене Людовик XV видел возможность самоутвердиться и забыть на время, что он родился королем.
Ж. и Э. Гонкур

В одно прекрасное утро 1749 года в рабочий кабинет короля с докладом вошел морской министр Морепас. Понимая, какую опасность для государства представляют чрезмерные траты мадам Помпадур, он решил доказать Людовику XV, к чему может привести потакание капризам его любовницы.

– Ваше Величество, флоту не хватает денег. У нас почти нет кораблей, снаряжение обветшало, а в портах – запустение. У меня сжимается сердце, когда я вижу, что воздвигают театры и танцевальные залы, когда необходимо выделить средства для строительства новых кораблей в столь сложное и опасное время.

Этот намек на любимые развлечения мадам Помпадур несколько смутил короля, но он ничего не сказал в ответ. Ободренный молчанием Людовика XV, Морепас хотел было продолжать свой доклад, когда внезапно в кабинет ворвалась разгневанная маркиза, которая, как обычно, подслушивала за дверью.

– Господин Морепас, – сухо сказала мадам Помпадур, – вы докучаете королю пустой болтовней. Считайте аудиенцию законченной, прощайте! – и указала ему на дверь.

Униженный в присутствии короля, министр вышел, а Людовик XV даже не сделал попытки удержать его.

В очередной раз мадам Помпадур одержала победу над своими недоброжелателями, действуя напролом и без всяких ухищрений. Несколько дней спустя, когда министр вновь находился с докладом у короля, она повела себя с такой же бесцеремонностью и бестактностью, потребовав отмены королевского указа об аресте одного дворянина:

– Он из числа наших друзей. Я хочу, чтобы его освободили.

И, повернувшись к Морепасу, приказала ему немедленно освободить заключенного.

– Необходим указ Его Величества! – ответил министр и в замешательстве посмотрел на Людовика XV.

– Делайте, что хочет мадам! – ответил сухо монарх.

Удрученный тем, что эта женщина полностью подчинила короля своей воле, Морепас потерял всякую осторожность. На следующий день, садясь за обеденный стол, фаворитка обнаружила под салфеткой листок бумаги с четверостишием, на первый взгляд совсем безобидного содержания:

Полны вы грации и красоты,
Любое сердце ваши чары покорят.
Ирис, под ноги вам цветы летят.
Увы! Лишь только белые цветы...

Мадам Помпадур побледнела и чуть было не заплакала. Эпиграмма намекала на тщательно скрываемую болезнь фаворитки, поразившую ее, по словам Генриха Карре, «непосредственно в самый источник благополучия». Действительно, вот уже несколько месяцев, как она страдала грибковым заболеванием, причинявшим ей немало неудобств.

Догадываясь о том, что эпиграмма – дело рук Морепаса, она тут же направилась к королю и потребовала строго наказать министра. Морепас был давним другом короля. И

естественно, король не горел желанием вмешиваться в это дело. Поэтому и неудивителен ответ Людовика XV, заявившего, что ему предоставлено недостаточно улик, доказывающих вину министра.

Мадам Помпадур, решив не сдаваться, прибегла к грубой лжи и заявила, что Морепас пытался ее отравить.

Это обвинение казалось таким нелепым, что Людовик XV наотрез отказался верить ему. Маркиза, однако, не успокоилась. Все последующие дни она демонстративно съедала блюдо только после того, как его отведывали другие приглашенные на обед. А в пятницу ее поведение вызвало недовольство даже самого короля. Не отличаясь чрезмерной набожностью, маркиза не соблюдала никаких постов. И когда ей принесли на обед специально приготовленное блюдо из жирного мяса, она воскликнула:

– Только не сегодня. Блюда, приготовленные специально для меня, обязательно отравлены.

И разрыдалась.

Заметно раздраженный этой глупой сценой, Людовик ушел к себе, лишь слегка кивнув маркизе на прощание.

Такая непредвиденная реакция короля смутила мадам Помпадур, и она решила изменить тактику и помириться с Морепасом. Однажды утром, войдя в кабинет министра в сопровождении своей приятельницы, она сразу же приступила к делу:

– Теперь про меня больше не скажут, что я вызываю министров к себе. Как видите, я не считаю ниже своего достоинства прийти сама.

Морепас приподнялся из-за стола.

– Когда же вы сможете доложить, кто сочиняет эти гнусные песенки, распеваемые бродяга ми на улицах города?

– Если я и узнаю, мадам, – ответил министр, – то доложу только королю.

– Вы совсем не считаетесь с любовницами короля.

Министр поклонился:

– Я всегда проявлял к ним должное уважение, мадам, какого бы они ни были происхождения⁶³.

Маркиза пришла к министру вовсе не для того, чтобы выслушивать оскорбления. И она вышла, громко хлопнув дверью.

Тем же вечером, на приеме у супруги маршала Вайара, кто-то из фрейлин королевы шутя поздравил Морепаса с нанесенным ему визитом.

– Визитом кого? Мадам Помпадур? – пере спросил министр. – Да, это принесет ей несчастье. Я только что вспомнил, что ко мне заходила мадам Майли за два дня до того, как ее сменила мадам Шатору. А что касается последней, то всем известно, что именно я ее отравил. Я им всем приношу несчастье⁶⁴.

Эту шутку слышали все приглашенные, и вскоре о ней доложили самой фаворитке. Ей на этот раз удалось убедить короля, что министр все-таки хотел от нее избавиться.

На этот раз Людовик XV не на шутку разволновался. Он вышел из-за стола и закрылся в комнате с маркизой, а через полчаса министр д'Аржансон получил записку, которую должен был немедленно вручить Морепасу.

Это был указ об отставке.

«Я не нуждаюсь более в Ваших услугах. После вручения Сен-Флорентену прошения об отставке немедленно отправляйтесь в Бурок. Вы не должны ни с кем там встречаться, кроме Ваших родственников. Я избавляю Вас от необходимости отвечать на это письмо».

Редко об опале сообщалось в столь жесткой манере. Убитый горем Морепас покинул Версаль. Сочиненное им четверостишие о слишком злопамятной маркизе стоило ему двадцати пяти лет ссылки.

Избавившись от своего заклятого врага, мадам Помпадур могла вздохнуть с облегчением. Она еще раз доказала всему королевству свое могущество. Однако ожесточенная борьба с морским министром не прошла для нее бесследно. Волнения, бессонные ночи, бесконечные заботы преждевременно состарили маркизу. Ее красота поблекла. Неутомимые сочинители, подхватившие выпавшее перо из рук Морепаса, повсюду распевали уже новые, еще более оскорбительные для маркизы стихи:

Холодные глаза, что держат в тайне
Нутро пустое и характер вздорный.
И кожа, словно у форели горной,
И зубы все покрыты пленкой черной.
Отсутствует характер, мысль и ум,
Язык, болтая, создает ужасный шум...
У Пуассон все некрасиво крайне!

Прочитав их, Людовик XV ничего не сказал, так как уже и сам заметил, что маркиза увядала прямо на глазах. Впрочем, с некоторых пор фаворитка была лишь близким другом короля, а не любовницей. Врачам так и не удалось излечить болезнь Жанны-Антуанетты. И они запретили любовнице короля «выполнять свои обязанности».

И вот уже несколько месяцев, как государь стал находить забвение с разными девицами, отдавая предпочтение девственницам, которых ему тайком поставляли приближенные.

Узнав о новом увлечении короля и понимая всю серьезность нависшей над ней угрозы, маркиза, тем не менее, решила не уступать Людовика XV, чего бы ей это ни стоило. И надумала взять на себя поставку королю любовниц.

В это время в Париже появился человек, пришедший, хотя и невольно, на помощь маркизе в осуществлении почетной миссии. Этим человеком оказался молодой итальянец двадцати пяти лет, посвятивший всю свою жизнь обольщению молодых девиц.

И звали этого молодца Казанова⁶⁵.

Однажды он случайно познакомился с восхитительной молоденькой девушкой. Послушаем, однако, рассказ самого Казановы:

«Однажды я был на ярмарке в Сен-Лоране вместе с моим другом Пату. Вдруг у него появилось желание поужинать с одной фламандской актрисой по имени Морфи, и он попросил составить ему компанию. Хотя девушка была не в моем вкусе, я не смог отказать другу. После ужина с красавицей он решил продолжить вечер за более приятным занятием. Что же касается меня, то мне совсем не хотелось в одиночестве возвращаться домой, и я спросил у подруги Пату, нет ли у нее какого-нибудь дивана, где бы я смог дожждаться утра.

На мой вопрос поспешила ответить сестра актрисы – маленькая тринадцатилетняя замарашка, предложив уступить мне свою постель всего за одно эю. Я согласился. И она привела меня в маленькую комнатку, вся обстановка которой состояла из соломенного тюфяка, брошенного на четыре деревянные доски.

– И это, крошка, ты называешь постелью?

– У меня нет другой, господин.

– Ну, она мне не подходит. И ты не получишь обещанного эю.

– Вы бы хотели раздеться?

– Конечно!

- Еще чего! У нас нет простыней.
- А разве ты спишь в одежде?
- Конечно нет!
- Тогда ложись, как обычно, и я тебе дам обещанный эрю.
- Почему?
- Я хочу посмотреть, как ты спишь.
- И вы мне ничего не сделаете?
- Обещаю.

И она улеглась на убогий тюфяк, накрывшись дырявым покрывалом. Когда она сбросила свои лохмотья, я тут же забыл про нищенскую обстановку – передо мною предстало само совершенство. И мне захотелось увидеть ее обнаженной с головы до ног. Рассмеявшись, она не только согласилась, но и охотно принимала все позы, в которых я хотел ее увидеть. Без усталости я любовался прекрасным юным, но уже созревшим телом. Затем у меня возникло желание насладиться прелестями девушки, попросив ее помыться. Она тут же запросила шесть франков, чтобы выполнить мою просьбу».

Умывшись, маленькая плутовка легла в постель, где ее уже ждал Казанова.

«Она была согласна на все, – продолжал Казанова, – кроме одного, но я особенно не настаивал. Предупредив, что не позволит мне “это” сделать, так как, по словам ее сестры, “это” стоит не менее пяти луидоров. Я ответил, что мы поторгнемся в следующий раз, а сейчас оставим все как есть. Успокоившись, она предоставила все остальное в мое полное распоряжение. И я убедился, что она хотя и из молодых и ранних, но очень способных учениц»⁶⁶.

Эту юную, но уже опытную в вопросах любви особу звали Луизон Морфи. Через несколько дней Казанова настолько влюбился в девушку, что заказал ее портрет у немецкого художника Буше, изобразившего ее полуобнаженной полулежа на животе. Казанова писал, что «талантливый художник с большим вкусом и так реалистично написал нижнюю часть ее тела, что, казалось, на свете нет ничего более прекрасного».

В один из дней 1753 года, когда художник был приглашен в Версаль, он показал копию своего полотна одному придворному. А господин Сен-Кентен оказался именно тем человеком, в обязанности которого входило заниматься подбором молоденьких девочек для ночных утех короля. Увидев портрет, он решил, что такая красивая девочка наверняка понравится государю. И поспешил к Людовику XV показать картину. Король был ослеплен красотой Луизон. Уже на следующий день по приказу короля девочка, вымытая и причесанная сестрой, получившая в свою очередь тысячу эрю, оказалась в маленьком павильоне Версаля. Как писал Казанова в своих мемуарах, король посадил девочку на колени и, убедившись после недолгих предварительных ласк, что фрукт еще не был до него сорван, поцеловал Луизон. А та, не переставая улыбаться, безотрывно смотрела на короля.

– Почему ты улыбаешься? – спросил Людовик XV.

– Вы как две капли воды похожи на портрет с монеты в шесть франков.

Наивность девочки искренне позабавила короля.

Тем же вечером Луизон поселилась в небольшом павильоне, расположенном недалеко от дворца. А государь, не теряя времени, приступил со сладострастным трепетом к ее воспитанию.

О небольшом павильоне, где поселилась Луизон, ходило много слухов. Особенно во времена революции.

Речь шла о небезызвестном Оленьем парке.

Вот уже более двух столетий, как о нем рассказывают множество небылиц. Большинство историков едины во мнении, что здесь было организовано нечто подобное гарему, где Людовик XV предавался чудовищному разврату, что нашло отражение в названии парка. Лавалле, например, описывал этот заповедник как «огромный парк, где посреди тенистых

зарослей, цветущих лужаек то тут, то там были разбросаны небольшие павильоны, в которых содержались пугливые лани, преследуемые похотливым монархом».

На самом деле Оленьим парком звался один из кварталов Версаля, построенный во времена Людовика XIV на месте заповедника, где при его отце, Людовике XIII, обитали дикие животные.

Вот что, впрочем, писал Ж.-А. Леруа, который в 1864 году был хранителем Версальской библиотеки и вел самостоятельные исследования по истории этого квартала.

«Когда Людовик XIII купил сеньорат Версаль, он решил возвести здесь небольшой замок, чтобы иметь возможность выезжать на отдых и среди лесов предаваться своему любимому увлечению – охоте. Он не забыл распорядиться устроить заповедник по выращиванию диких животных для охоты поблизости от замка. Для этого он приказал выбрать в лесу большую поляну, огородить ее высоким частоколом и собрать там оленей, ланей и других диких животных, а неподалеку построить несколько домиков для егерей. С тех пор это место стало называться Оленьим парком».

Легенда, связанная с этими заповедными местами, лишний раз доказывает, какую власть имеет слово. Возможно, что репутация Людовика XV была бы совсем иной, если бы Людовик XIII назвал бы свой охотничий заповедник Парком лисиц или же Парком косуль...

«Олений парк, – добавляет Ж.-А. Леруа, – занял все пространство между улицами Сатори, Россиньоль и Сен-Мартен⁶⁸. Вначале он располагался за городской чертой, а Старый Версаль и новый город объединились в приход собора Парижской Богоматери».

Несколько лет спустя, в 1694 году, ввиду резкого увеличения городского населения, Людовик XIV решил пожертвовать территорией Оленьего парка для строительства новых домов. Он приказал снести ограду, выкорчевать деревья, разрушить постройки, выровнять землю и раздать ее под строительство особняков королевских подданных, живущих во дворце. Но при Людовике XIV на этой обширной территории было построено всего несколько домов. После его смерти Версаль в течение нескольких лет оставался незаселенным. За это время не было построено ни одного здания. Но когда Людовик XV решил перебраться в Версаль со всем своим двором, квартал стал быстро заселяться. Число жителей, которых в год смерти Людовика XIV насчитывалось всего-навсего около двадцати четырех тысяч, за последние пятнадцать лет увеличилось почти вдвое. Дома строились по всему кварталу Оленьего парка, а жителей стало настолько много, что возникла острая необходимость разделить бывший приход на две равные части и создать новый приход, который в настоящее время называется Сен-Луи⁶⁹.

Именно здесь всякий уважающий себя вельможа имел дом, где мог провести в свое удовольствие вечер с любовницей за хорошим ужином. И не удивительно, что в 1753 году, когда Людовик XV искал скромный уголок, где бы мог одновременно изменять и Марии Лещинской и мадам Помпадур, его выбор пал на этот квартал, где словно были созданы все условия для тайных встреч любовников.

При посредничестве судебного исполнителя Балле он купил у некоего горожанина по имени Жан-Мишель небольшой дом, который располагался там, где теперь стоит строение № 4 по улице Сен-Мийерик.

Здесь он и поселил Луизон Морфи «вместе с некоей дамой, которая должна была побеспокоиться об ее охране и обеспечении всем необходимым». Девушка прожила в этом доме около двух лет.

В один из вечеров 1756 года, считая, что отныне ей все дозволено, по наущению супруги маршала д'Эстрада, люто ненавидевшей мадам Помпадур, Луизон наивно спросила короля:

– А как поживает старая кокетка? Людовик XV от возмущения даже привстал с кресла. Он никогда не позволял, чтобы о маркизе отзывались без должного уважения.

– Кто посоветовал вам задать такой вопрос? – спросил он.

Увидев, как разгневался король, Луизон расплакалась и назвала имя мадам д'Эстрад.

Три дня спустя по приказу короля мадам д'Эстрад была выслана в свое родовое поместье, а мадемуазель Морфи, несмотря на то что подарила королю дочь, навсегда была изгнана из Оленьего парка.

Луизон сменила ее двадцатилетняя сестра Брижитта, так как, по словам д'Аржансона «королю нравилось брать в любовницы одну сестру, а затем другую».

После нее в маленьком домике поселилась некая девица по имени Роберта, затем девица Фуке, на смену которой пришла девица Эно.

В дальнейшем Людовик XV уже не мог довольствоваться одной любовницей. Хотя авторы памфлетов, сочиненных во времена революции, и давали слишком большую волю своей фантазии, тем не менее достоверно известно, что он выплачивал некоторым родителям определенные суммы за совсем юных девочек, едва достигших возраста половой зре-

лости (так как он боялся, по словам своего камердинера Лебеля, заразиться неизлечимой болезнью), и создал себе нечто вроде «питомника» молоденьких девочек.

Как только полицейские короля замечали на улицах красивых девочек в возрасте от девяти до двенадцати лет, их забирали у матерей за некоторое вознаграждение и препровождали в Версаль, где за их воспитанием следил сам Людовик XV, проводивший с юными созданиями долгие часы. Больше всего король любил их раздевать, умывать, затягивать в корсет. Людовик XV считал своей первейшей обязанностью заботиться об их нравственном воспитании. Он обучал их чтению, письму и особенно молитвам. Более того, после первого приобщения девочки к земным радостям он обязательно становился с ней на колени и воздавал молитву Богу⁷⁰, что говорило о его добром сердце.

Эти девочки-подростки не проживали в одном доме. Он приобрел в Оленьем парке еще несколько домов. Достоверно известно, что ему принадлежали строения, расположенные раньше на месте дома № 78 по улице Анжу, дом № 14 по улице Сен-Луи, а также дом № 3, находившийся на авеню Сен-Клу... О других его владениях сведения до нас не дошли.

Один из этих небольших домиков, названный Эрмитажем, принадлежал мадам Помпадур, занявшейся, как мы уже знаем, поставкой девушек для короля, пытаясь тем самым сохранить при нем свое привилегированное положение.

Возможно, именно там произошло событие, о котором вспоминает мадам Оссе в своих мемуарах. Послушаем, однако, доверенное лицо мадам Помпадур:

– Однажды мадам (речь идет о маркизе) вызвала меня в свой рабочий кабинет.

– Необходимо, – сказала она, – чтобы вы прожили несколько дней в доме на авеню Сен-Клу. Там сейчас находится молодая беременная женщина.

Мадам Оссе пообещала позаботиться о девице, «ожидавшей королевского приплода», как в этот момент мадам Помпадур вдруг с нежностью заговорила о Людовике XV:

– Я хочу только одного, чтобы его сердце принадлежало мне, а всем этим малышам ни когда не удастся отнять его у меня. Но если бы его попыталась завоевать какая-либо придворная красавица или богатая горожанка, то я бы потеряла покой.

Я спросила маркизу, знает ли молодая особа, кто отец ее ребенка.

– Скорее всего нет, – сказала она мне, – но мне кажется, что король проникся к ней особой симпатией и мог открыть себя. В подобных случаях мы говорим девицам, что их любовник – знатный польский дворянин, родственник королевы, и потому проживает во дворце.

По ее словам, к такой выдумке пришлось прибегнуть из-за голубой ленты, которую носил король⁷¹.

Как видите, пресловутый гарем в Оленьем парке разбросан в разных кварталах Версаля и занимал всего несколько домов, в каждом из которых проживала одна или две красивые девушки.

Некоторые историки допускают еще одну ошибку, утверждая, что содержание любовниц в Оленьем парке явилось одной из основных причин разорения королевской казны. Вот что, например, писал по этому поводу Лакретель, поверив словам революционно настроенных сочинителей памфлетов: «Текущие расходы Оленьего парка оплачивались наличными. Поэтому трудно назвать точную цифру. Но без преувеличения можно утверждать, что они стоили не одну сотню миллионов. А по некоторым расходным книгам, затраты достигали миллиарда».

В действительности, и это сейчас доказано, содержание этих домиков вместе с их обительницами за шестнадцать лет обошлось государству всего лишь в несколько сотен тысяч ливров.

Суший пустяк по сравнению с тридцатью шестью миллионами, потерянными Францией за восемнадцатилетнее пребывание у власти мадам Помпадур.

Лишний раз подтверждается известная истина о том, что множество юных любовниц обходится значительно дешевле, чем одна, но знатная дама...

Глава 9

Мадам Помпадур несет полную ответственность за распад европейских союзов

*Для достижения своих честолюбивых целей она не
останавливалась ни перед чем.*

Жюль Бело

В 1755 году фаворитка, вот уже более трех лет не выполняющая своих «обязанностей в постели короля», вдруг с ужасом обнаружила, что ее положение, которое она занимала до сих пор при дворе, становилось все более шатким и даже противоестественным. Она поняла одно: отныне, чтобы сохранить свое влияние при дворе, ее роль не могла сводиться лишь к поставке королю новых любовниц. Тем более что король мог в любой момент увлечься одной из молоденьких женщин из Оленьего парка и представить ее двору как официальную любовницу.

Именно тогда мадам Помпадур пришла в голову удачная мысль. Зная, что Людовик XV никакой другой работой, кроме любви, заниматься не желал, она подумала, что сможет вновь стать незаменимой для него, если возьмет на себя все заботы по управлению государством.

Честолюбивая и хитрая маркиза надеялась одним выстрелом убить сразу двух зайцев: укрепить свое положение при дворе и распространить свое влияние за пределы королевства, взяв на себя все управление страной. Если до сих пор она фактически занимала пост премьер-министра, то теперь она захотела выполнять функции самого короля.

Не имея необходимого опыта для выполнения столь высоких обязанностей, она обратилась за помощью к своим друзьям: канцлеру Маню, государственному секретарю Руйе и аббату Берни, бывшему французскому послу в Венеции, – и с обезоруживающим простодушием, присущим только красивым женщинам, попросила их помочь ей разобраться в государственных делах.

Обрадовавшись, что могут оказать услугу самой фаворитке, государственные мужи открыли свои досье и начали вводить маркизу в курс государственных дел, касающихся заключения международных соглашений и договоров, знакомить с порядком ведения и учета королевской казны и состоянием финансов страны, сообщать о военных приготовлениях, развешивать депеши послов...

С усердием прилежной и способной ученицы мадам Помпадур в течение нескольких недель вникала во все вопросы, делала записи, запоминала имена, знакомилась с отчетами. Когда маркиза считала себя достаточно подготовленной, она пригласила в свой небольшой, отделанный красным деревом кабинет генералов, королевских советников, финансистов, судей и завела с ними разговор о положении дел в государстве, удивив их своей осведомленностью.

После каждой подобной встречи мадам Помпадур составляла для Людовика XV, у которого разговоры о политике вызывали аллергию, обширные записки, содержавшие весьма оригинальные суждения. Слабохарактерному государю импонировала однозначность ее умозаключений. «Что касается писем, направляемых маркизой королю, – писал аббат Берни, – я бы никогда не подумал раньше, что она может высказывать свои мысли с такой прямоотой, мужеством и даже красноречием. За это я ее еще больше стал уважать. Я призываю ее держаться выбранного пути и в дальнейшем также не скрывать от короля истинного положения дел»⁷².

Мадам Помпадур понадобилось не так много времени, чтобы еще раз доказать всем, что влияние ее на короля еще более усилилось.

Вот уже шестой год не прекращалась борьба между иезуитами и янсенистами⁷³, разгоревшаяся из-за папской грамоты *Unigenitus*, и их вражда уже стала предметом серьезного беспокойства при дворе.

Правительство под влиянием иезуитов приняло этот документ к исполнению в качестве государственного закона, в то время как парламент, действуя заодно с янсенистами, отвергал его.

В начале 1752 года архиепископ Парижа Кристоф Бомон запретил священникам своей епархии совершать соборование без «свидетельства о признании», подтверждавшего полное подчинение верующего папской грамоте. Однажды одному сановнику было отказано в причастии, и его запретили хоронить на кладбище⁷⁴.

Немедленно уведомленный об этом парламент издал указ о публичном сожжении церковных предписаний и об отстранении архиепископа.

И наконец парламент обязал священников причащать умирающих.

После таких решений светской власти Кристофор Бомон обратился к королю с протестом против вмешательства парламента в дела церкви. Неожиданно для всех Людовик XV проявил решимость и приказал парламентариям выехать в Потуаз, а затем в Суассон...

В те дни, когда мадам Помпадур начинала свою политическую карьеру, члены Ассамблеи⁷⁵ только что вернулись в Париж и, естественно, ждали случая, чтобы отомстить духовенству за пережитый позор. И фаворитка вскоре предоставила им такую возможность.

Атеистка, поддерживавшая дружеские отношения с Вольтером, энциклопедистами и философами, она никогда бы не решилась вмешаться в столь щекотливые дела, если бы не одно обстоятельство чисто личного характера.

Став владелицей особняка д'Эвре (в настоящее время Елисейский дворец), она обратилась в июне 1755 года к архиепископу Парижа с просьбой дать разрешение на совершение богослужения по этому поводу.

Кристофор Бомон, всегда выступавший против (по его словам, «скандального») присутствия фаворитки при дворе, отказал маркизе. Недовольная решением архиепископа, мадам Помпадур решила встать на сторону парламента и янсенистов.

Как раз в это время кюре из Сен-Этьен-дю-Мона отказал в причастии одной старой даме, и мадам Помпадур, возмущенная этим решением, обратилась за помощью к Людовику XV.

– Вы должны вызвать к себе архиепископа Парижа и серьезно поговорить с ним. Но предварительно я бы хотела вам сказать несколько слов.

И, призвав на помощь все свое обаяние, расточая улыбки, мадам Помпадур проговорила с королем более сорока пяти минут. Ее доводы были столь вески, а красноречие столь убедительно, что Людовику XV стало вскоре совершенно ясно, что прелат является самым гнусным существом, какое когда-либо жило на земле.

Людовик XV вызвал Кристофора Бомона в Версаль. Архиепископ, уверенный в поддержке государя, вошел к королю, безмятежно улыбаясь.

От государя же он вышел с низко опущенной головой и «скорбно поджатыми губами».

По совету маркизы король приказал архиепископу покинуть Париж и выехать в Конфлан.

Теперь пришел черед Кристофору Бомону отправиться в изгнание...

Радуюсь одержанной победе, мадам Помпадур, продолжавшая постигать секреты ведения государственных дел, решила еще более укрепить свое положение при дворе, получив из рук короля самый высокий придворный ранг. И это ей удалось. В 1752 году она стала герцогиней, что само по себе вызывает удивление, учитывая ее низкое происхождение. Но не довольствуясь этим, она пожелала стать приближенной дамой «дома королевы»...

Зная о набожности Марии Лещинской, мадам Помпадур не без основания считала, что ее атеизм станет препятствием для достижения поставленной цели, и решила приобрести к вере.

Следуя советам своего друга Машо, она взяла в духовные наставники отца Саси, считавшегося очень ловким иезуитом, потребовавшего от нее прежде всего вернуться к мужу. Маркиза сначала досадливо поморщилась, но, подумав, все-таки послушалась иезуита и под диктовку святого отца безропотно переписала письмо. Вот что писал, впрочем, герцог Лиенский:

«Так как речь шла о месте придворной дамы, она, последовав совету отца Саси, написала письмо господину д'Этиолю с предложением возобновить семейную жизнь. Если же у него не будет такого желания, она в любом случае просила его сообщить не только о принятом решении, но и его личных планах, прежде чем она сможет принять предлагаемый ей пост⁷⁶.

Письмо было отправлено господину д'Этиолю. Можно представить себе его изумление, когда он ознакомился с предложением своей жены. Едва он пришел в себя, как слуга доложил, что его ожидают два посетителя. Одним из них был Машо, а другим – Субиз. Оба посланца мадам Помпадур разъяснили супругу их повелительницы, что он «безусловно может вернуться к своей жене, но его решение может сильно огорчить короля».

Господин Ленорман д'Этиоль жил в то время с очаровательной танцовщицей мадемуазель Рем⁷⁷ и не испытывал никакого желания вернуться к своей жене. Уверив двух посланцев маркизы в отсутствии у него подобного желания, он написал мадам Помпадур полное иронии письмо:

«Я получил, мадам, письмо, в котором Вы мне сообщаете о перемене намерений в отношении меня и о Вашем желании обратиться к Богу. Со своей стороны я могу только поздравить Вас с таким решением. В то же время я понимаю, насколько трудным для Вас будет возвращение ко мне. И Вы можете легко представить, какие чувства я при этом буду испытывать. Мое самое большое желание – забыть об оскорблении, которое Вы мне нанесли в свое время. А Ваше присутствие только напомнит мне о пережитом унижении. Единственное, чем мы можем в настоящее время помочь друг другу, так это продолжать жить отдельно. Каким бы ни был повод, вынудивший Вас ко мне обратиться, я считаю, что Вы завидуете моему счастью. А я бы, со своей стороны, не хотел бы поставить его под угрозу, возобновив нашу совместную жизнь. Вы должны понимать, что время не может ничего изменить в наших отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.